

НИКТО, КРОМЕ НАС!

СПЕЦНАЗ

ВДВ

ОМЕРТА ДЕСАНТНИКА

Сергей АЛТЫНОВ



Сергей АЛТЫНОВ
Омерта десантника

«ЭКСМО»

2006

Алтынов С. Е.

Омерта десантника / С. Е. Алтынов — «Эксмо», 2006

А говорят, что кровную месть практикуют только горцы. Роберт Сафронов, офицер спецназа ВДВ, опровергает это заблуждение. От его холодной целеустремленности и неугасаемого желания расквитаться за погибшего друга леденеет кровь в жилах. Умом понимаем, что так нельзя, что это жестоко, дико, страшно, но сердцем мы с ним. Ибо он вершит суд своей совести. Негодьям, которые ради сверхприбылей торгуют наркотой и подставляют мальчишек под вражеские пули, нет места на земле. Это убеждение выстрадано десантником, и с годами оно только крепнет, цементируя его волю в смертельной схватке с криминальной нечистью...

© Алтынов С. Е., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Пролог | 5 |
| Часть первая | 11 |
| Глава 1 | 11 |
| Глава 2 | 17 |
| Глава 3 | 22 |
| Глава 4 | 26 |
| Глава 5 | 30 |
| Глава 6 | 34 |
| Глава 7 | 38 |
| Глава 8 | 41 |
| Глава 9 | 45 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 47 |

Сергей Алтынов

Омерта десантника

Любое возможное сходство с реальными событиями и людьми – случайное совпадение.

Омерта – кодекс чести, заговор молчания: «Если я выживу, я убью тебя! Если я умру, я прощу тебя!»

Пролог

Россия. Начало двадцать первого века

– Убей Полковника!

Злобный истеричный выкрик раздался из задних рядов. Акцент не улавливался, но кричал явно кто-то из «кавказских гостей». Призыв тут же подхватило еще несколько луженых глоток, причем орали теперь и некоторые «братья-славяне». Сафронов не спускал глаз с противника, фиксируя каждое его движение. Тот, в свою очередь, ободренный зрительской поддержкой, провел ложную атаку в корпус и тут же попытался сбить Сафронова резким нагаечным ударом по голени. В последний момент Сафронов успел-таки убрать ногу и непроизвольно отступить на полшага. Зрители отреагировали на это еще большей активностью. Подбадривающие и одновременно провоцирующие на атаку вопли слышались со всех сторон:

– Убей Полкана! Убей Полкаша!

Казалось, скандировал весь зал. Впрочем, зал этот больше походил на цирк, нежели на стадион. Полукруглая арена, похожая на цирковую, при этом огороженная толстыми металлическими прутьями. А над ней амфитеатрами высились ряды удобных зрительских кресел. В этих самых креслах и восседала разгоряченная затянувшейся схваткой публика самых разных калибров. Здесь был некто в форме милицейского генерала с облаченными в камуфляж автоматчиками-охранниками. Рядом – откровенно беспредельного вида амбалы со стриженными затылками. При них – вычурно одетые подружки с длинными распущенными волосами. Чуть поодаль, на безопасном расстоянии, молодые люди с утонченными манерами – так называемые модные «визажисты» и «дизайнеры». Эти без подруг, им и друг дружки достаточно. Присутствовали и вальяжные, откровенно скучающие обладатели смокингов и дорогих костюмов. Этим было немного. Была и своя ВИП-ложа. В ней (помимо милицейского генерала с охраной) сидел седовласый с несколько старомодными бакенбардами мужчина лет пятидесяти пяти, чьи холеные руки украшала пара дорогих перстней. Рядом с ним, помимо юной спутницы, – бородач в черном костюме и белой рубашке без галстука. Перстень у него имелся всего один, но по цене не уступал соседским вместе взятым. Бородача со всех сторон прикрывала охрана – немногословные спортивные ребята, ярко выраженные представители Северного Кавказа. Чуть ниже, в первых рядах амфитеатра, их земляки истошно орали, поддерживая боевой дух сафроновского противника. Что было и неудивительно – тот также был их земляком.

– Убей Полкана! Убей его, Ахмед!!!

Сафронов тем временем окончательно убедился, что Ахмед владеет стилем контактного карате, в котором на соревнованиях запрещены удары в голову. Сейчас никаких запретов не было, но Ахмед инстинктивно бил в основном в корпус или пытался подсесть ноги Сафронова. Ахмед был моложе, ниже ростом, но куда мускулистей, накачанней и при этом подвижней. Сафронов на его фоне выглядел длинным костистым жердем. Тем не менее активный в первом раунде Ахмед сейчас не торопился сближаться с противником. Пара крепких увесистых ударов

(от одного из которых каратист потерял равновесие и чуть не был добит в партере) несколько охладили горячий боевой пыл молодого кавказского гладиатора.

– За что осужден твой племянник? – кивнув в сторону Ахмеда, спросил седовласый с бакенбардами у своего бородатого соседа по ВИП-ложе.

– Убийство, изнасилование, – без особого энтузиазма ответил тот.

– Я бы такого выкупать не стал, – усмехнулся обладатель бакенбардов.

– Я бы не дал и рваного рубля за эту дохлятину, – вытянув палец с перстнем в сторону Сафронова, в данную секунду отступающего под вихревой атакой Ахмеда, сказал бородач.

– Здесь, Гелани Асланович, вы не правы, – вставил свое вежливое слово еще один зритель ВИП-ложи.

Это был полный, горбоносый мужчина в скромной зеленой форме с эмблемами миюста и подполковничьими погонами на круглых толстых плечах.

– Хозяину видней, – поддержал подполковника обладатель бакенбардов.

Гелани лишь надменно усмехнулся. Все трое – кавказец, седовласый и офицер миюста – молча переглянулись. Рядом с Гелани Аслановичем и обладателем бакенбардов стояло по кейсу, о содержимом которых догадаться было нетрудно. Один из них и должен был получить тот, кого именовали Хозяином. Однако кому было суждено расстаться с деньгами, было до сей минуты неизвестно. Это решалось прямо сейчас. Внизу, за прутьями, на арене.

– Убей Полковника!

Несмотря на скорость и грамотные удары, Ахмеду не удалось пробить сафроновскую защиту. «Убей Полковника!» Сафронов понимал, почему так орут чеченцы, но когда то же самое выкрикивали «братья-славяне»... Полковником Сафронов не был, не успел стать им. На целую звезду ошиблись господа «патриции». Ахмед тем временем обозначил атаку левой рукой, а сам пробил правой. Сафронов среагировал, заблокировал удар кистью, но в Ахмеду еще таилась молодая буйная мощь, и его кулак сумел-таки пушечным ядром «срубить» сафроновскую защиту. В голове Сафронова точно взорвался огненный шар, но на ногах он устоял. В этот момент Ахмед достал вдогонку ногой в грудь. Из публики послышались восторженные возгласы на родном для Ахмеда языке. Еще один точный быстрый удар, и Ахмед не только станет победителем русского полковника, но и обретет долгожданную свободу. И в это мгновение тело Сафронова ушло влево и тут же очень быстро вправо. Ноги и кулаки Ахмеда замесили пустоту. Сафронов завалился на бок, затем увернулся в сторону, и нога Ахмеда врезалась в стальное ограждение загона. А Сафронов между тем вскочил на ноги как ни в чем не бывало. Дыхание его отнюдь не было сбито, он вновь был в боевой стойке, характерной для классического бокса. Ахмед пошел в атаку, теперь он действовал преимущественно руками и сейчас нанес удар правой. Сафронов подставил левое плечо, сделал легкий поворот, и вся огромная инерция Ахмеда повела его мимо Сафронова. Тот, не упуская момента, достал его по «ахиллу». Болезненный удар заставил Ахмеда вскрикнуть и потерять равновесие. Он с гулом рухнул на арену, и в то же мгновение Сафронов нанес завершающий удар в голову...

Гелани Асланович с трудом усидел на месте, кисти его рук заметно вздрогнули, что не укрылось от цепкого взгляда обладателя бакенбардов.

– Не нервничай, Гелани, – произнес он. – Русские офицеры не добивают лежачих... Твоему родственничку придется провести в тюрьме все двадцать пять годков, у проигравшего такая участь... Получи, Семен Семенович. – Обладатель бакенбардов быстрым движением протянул кейс офицеру миюста.

– Полковник!!! – скандировала между тем мгновенно изменившая свой настрой публика. – Пол-ков-ник!!! Пол!!! Ков!!! Ник!!!

Похоже, многие были удивлены рукопашным умением этого «гладиатора» – высокого, худого, отнюдь не юного возраста и именуемого «полковником». Молчали лишь гости с Кав-

каза. Сафронов отступил на полтора шага от поверженного соперника и прижался спиной к холодным металлическим прутьям загона. Победителем он себя не чувствовал.

Не прошло и получаса, как Сафронов, он же Полковник, сидел напротив Хозяина, старшего офицера минюста Семена Семеновича, в скромном, обставленном казенной мебелью кабинете последнего.

– Как я и обещал тебе, Сафронов, ты выходишь на свободу досрочно, – произнес Семен Семенович. – Хоть бы поблагодарил, а? – после паузы, с легкой усмешкой заметил Хозяин.

– Вас другие отблагодарят, – усмехнулся в ответ Сафронов. – Сколько на меня ставили?

– Немного и немногие, – не без торжества в голосе отозвался Хозяин. – Но я верил в тебя до конца...

– И внакладе не остались, – закончил за Семена Семеновича Сафронов. – Ведь вы не за просто так меня отпускаете?

– За просто так канарейки поют, да и то в хорошую погоду, – кивнул Хозяин. – Как начальник тюрьмы я вынужден идти на некоторый должностной подлог. Заключение Сафронов внезапно заболевает и умирает... Ну, скажем, от сердечной недостаточности или внезапно прорвавшегося аппендикса.

– Благодарю, Семен Семенович, – кивнул в ответ Сафронов.

– Но ты, Сафронов, теперь поступаешь в распоряжение одного своего старого знакомого. Прямо сейчас.

– Что за знакомый? – поинтересовался Полковник, стараясь при этом оставаться бесстрастным.

– Сейчас увидишь. – Хозяин нажал кнопку на своем мобильнике и вежливым тоном попросил кого-то зайти в кабинет. – Ты ведь офицер, Сафронов, – продолжил Семен Семенович. – А офицеры бывшими не бывают. Так вот, считай, что сейчас получаешь новое задание командования.

– А ваши «гладиаторские бои» тоже задание командования? – довольно дерзко поинтересовался Сафронов.

– Нет. Это уже моя маленькая слабость... Точнее – страсть. Я в молодости, еще когда младшим лейтенантиком служил, на ипподроме своим человеком был. Лошадки, ставки, публика всякая интересная... Панкратион¹ интересней, азартней. На ипподроме – кони, у меня здесь люди...

Начальник тюрьмы не успел договорить, как дверь его кабинета распахнулась и на пороге появился высокий, сухощавый обладатель седой, аккуратно уложенной прически и бакенбардов.

– Ну, вот и Петр Васильевич, – торжественно изрек Хозяин. – К слову сказать, мы с ним познакомились именно на ипподроме, я тогда был уже капитаном и служил начальником хозотряда в Матросской Тишине...

– Воспоминаниям предадимся после, – мягким голосом прервал начальника тюрьмы обладатель бакенбардов. – Ну, здравствуй, Сафронов! Тебя в этих стенах уже в полковники произвели, поздравляю!

– Здравствуйте, Лорд, – сдержанно поприветствовал Петра Васильевича Сафронов, не торопясь с объятиями и рукопожатием.

Они и в самом деле были давними знакомыми. Вот только не все их предыдущие встречи можно было назвать теплыми и дружественными. Однако сейчас обладатель благородной седины и бакенбардов (по праву именуемый Лордом) был настроен любезно и доброжелательно.

¹ Панкратион – древнегреческое обозначение боев без правил, в которых допускаются абсолютно все приемы.

– Лучше называй меня по имени-отчеству, – тем же мягким тоном поправил Сафронова Петр Васильевич. – Ну а с вами, господин Флягерс, мы расстаемся на... Не навсегда, конечно же, но, надеюсь, на долгий период.

– Как будет угодно, – покорно кивнул в ответ начальник тюрьмы (официально именуемой как следственный изолятор) подполковник Флягерс.

Бронированный джип-внедорожник мчал по загородному шоссе. С боков его прикрывали два точно таких же, набитых охранниками, лимузина. А спереди дорогу расчищал милицкий «Форд» с мигалкой.

– Видишь, какое у меня сегодня положение, – произнес Петр Васильевич, вытянув перед собой холеные пальцы с перстнями, как бы демонстрируя их сидевшему рядом с ним Сафронову. – Ты сегодня доставил мне несказанное удовольствие, Сафронов. Жаль, что ты не видел рожи Гелани и его трясущихся рук...

– Раньше вы носили другие перстни, Петр Васильевич, – заметил Сафронов.

– Я и сейчас их ношу. – Собеседник быстрым движением снял с пальцев оба перстня.

Под ними и в самом деле оказались другие «украшения» – два синих, наколотых опытным татуировщиком, перстенька с рисунками. Один сообщал понимающему в тюремных татуировках, что Петр Васильевич трижды был в местах лишения свободы; другой, с могильным крестиком, означал, что, пока Петр Васильевич был в заключении, его родители умерли.

– Все это в прошлом, – пояснил Лорд, столь же быстро вернув бриллиантовые перстни на место. – Сегодня нет в помине никакого Лорда, а есть предприниматель, меценат и член думской комиссии по культуре господин Маркин П.В. И у него есть очень выгодное предложение для некоего Сафронова... Который на текущий момент является умершим заключенным флягерского изолятора, – делая выразительные паузы, проговаривал господин Маркин. – Ну а если... Сафронов попытается воскреснуть (что многих очень не устроит), то его тут же объявят беглым эком и убьют при задержании.

– Воскресать, стало быть, не стоит? – прищурившись, спросил Сафронов.

– В ближайшее время ты получишь чистые документы, а если захочешь, можно будет сделать пластическую операцию.

– Что за предложение?

– Работа по твоему профилю, – любезно улыбнувшись, ответил господин Маркин. – Тактическая разведка, захват языка, диверсии... Ты же прекрасно умеешь это делать, Полковник?

– Я не полковник, – произнес в ответ Сафронов.

И в этот момент вся автокавалькада остановилась у высоких железных ворот с резьбой в средневековом стиле. За ними высился не менее средневековый замок-коттедж, на котором красовался и собственный герб – золотистый скорпион с бокалом красного вина в клешне. Дальнейший разговор продолжился в одном из гостиных залов загородной резиденции мецената и советника по культуре.

– Зачем вам нужен был гладиаторский бой? С вашими деньгами могли просто выкупить меня, и все, – поинтересовался Сафронов, наполнив рюмку сорокадвухградусным коньяком, но не торопясь ее осушать.

– Хотел посмотреть тебя в деле, – ответил Лорд. – Ты не обманул моих надежд, и я лишний раз понял, что не ошибся.

– Вы так считаете?

– А ты считаешь, что нам не нужно было встречаться? – вдруг спросил напрямую жестким, требующим немедленного ответа тоном Петр Васильевич.

– Смотри, Лорд, как бы тебе самому так не посчитать, – ответил Сафронов.

– Поэтому я и выкупил тебя, Сафронов, у этого жирного лавочника Флягерса, – не скрывая собственного удовлетворения, произнес Лорд. – Ты никогда не был и не будешь бараном, ходячей папай и шашлыком в одном лице... Неужели ты до сих пор не понял, что служить мне – это честь, а вовсе не унижение?

Лорд изрек это, сделав особый акцент на фразе «служить мне».

– Да пошел ты... – резким движением отшвырнув так и не тронутую рюмку, проговорил Сафронов, сохраняя при этом спокойствие в голосе.

– А вот таких вещей я могу и не простить, – покачал головой поднявшийся со своего места Петр Васильевич. – Пока еще никто из хамов, пытавшихся разговаривать со мной таким тоном, не остался безнаказанным... Однако тебя я прощаю. Удары в голову временно помутили твой разум. Нужно отдохнуть, Сафронов... Я бы даже сказал – необходимо!

– А что ты мне сделаешь, Лорд?! – поднявшись, в свою очередь, с кресла, поинтересовался Сафронов, взяв в обе руки по бутылке недешевого вина и держа их теперь на манер гранат или боевых булав. – Убьешь?! Это несложно, зови своих мордovorотов. Смертью ты меня не испугаешь, у меня на этом свете никого не осталось. Убивай... Убивай прямо сейчас, Лорд. Служить тебе я не буду, что бы ты ни говорил.

Петр Васильевич молча выслушал Сафронова, не делая при этом резких движений. Сейчас, как никогда, он соответствовал своему прозвищу-титлу. Высокий, застывший в аристократической позе, со снисходительным выражением морщинистого, но не утратившего мужской привлекательности лица.

– Я же говорю, тебе надо отдохнуть, – как ни в чем не бывало, назидательным тоном произнес Петр Васильевич. – Вот посмотри, пожалуйста, Полковник. – Лорд сунул руку во внутренний карман и достал четыре фотографии. – Ты ведь помнишь этих людей?

Сафронов отставил в сторону одну бутылку, взял протянутые Лордом фотопортреты. Пожилой мужчина в рабочей спецовке, рядом паренек на мотоцикле. На другой фотографии – изящная, спортивного телосложения женщина в купальном костюме в зеленых морских по колено волнах. Далее – девочка лет шести-семи в обнимку с большой собакой, похожей на кавказскую овчарку. На последнем фотопортрете был коренастый военный, одних лет с Сафроновым, в парадной форме с многочисленными орденами и медалями на груди. Сафронов лишь тяжело вздохнул, отодвинул фотографии обратно Лорду. Затем поставил на стол вторую бутылку. Слов не требовалось, но Лорд решил, что последнее слово должно остаться за ним:

– Эти люди не являются твоими родственниками, но каждый из них по-своему дорог тебе, Сафронов... Они ни в чем не виноваты, и я обычно не трогаю простых граждан. Но мне нужен ты. ТЫ, Сафронов. И если ты откажешься выполнять мою волю... Я буду их убивать. Кого быстро, кого медленно. Конечно же, без всякого удовольствия... Буду убивать! – Голос Лорда неожиданно из ровного и спокойного сорвался на крик. – Да! Да потому, что они дороги тебе. Подумай, подполковник Сафронов. Это ведь так просто – убивать простых людей, не имеющих охраны, связей, каких-либо влиятельных покровителей, способных отомстить. Думай, Сафронов! До завтрашнего утра... Желаю приятных сновидений!

Надо ли говорить, что никаких сновидений в ту ночь Сафронов не видел. Утром следующего дня, не успело пробить и восьми часов, как он попросил охранника свести его с Петром Васильевичем.

– Я согласен, – произнес Сафронов, стоя напротив Лорда, восседающего в кресле, похожем на трон. – Говорите, что мне нужно сделать...

Петр Васильевич ответил не сразу. Он оценивающе, уже в который раз, оглядел жилистую, худую фигуру Полковника. Нет, он, Лорд, не ошибся. Тот, кто еще недавно казался

не поддающимся приручению зверем, теперь будет служить ему, Лорду. В этот момент Лорд вспомнил их первую встречу. Она произошла более двадцати лет назад. И не в России, а на территории охваченного войной Афганистана...

Часть первая

Демократическая Республика Афганистан

Конец 80-х прошлого века

Глава 1

– Окунь, проверьте связь! – скомандовал Виктор, ободряюще подмигнув взводному.

Окунь была фамилия радиста, а Виктор Крылов – командир разведроты, прикрывающей автоколонну. Взводный, лейтенант Сафронов, в данный момент был его первым заместителем. Сегодня у лейтенанта было боевое крещение – впервые перед Сафроновым была поставлена не учебная, а боевая задача. Со стороны посмотреть – ничего особенного. Обычный рейс. Правда, выполнялся он по просьбе афганских властей, и груз предназначался для жителей Кабула и его окрестностей. Тридцать восемь «Уралов», загрузившись в Кундузе рисом, стояли сейчас перед шлагбаумом. Подчиненные лейтенанта Сафронова – сержанты и рядовые – смотрели на своего нового командира с пытливым интересом. Многие из этих гвардейцев сходили уже не в один боевой рейд, знали, кто чего стоит. Лейтенант же был новичком. За плечами Рязанское десантное – солидная фирма, но боевой опыт нулевой. Да и сам лейтенант походил скорее на романтического десятиклассника, нежели на гвардейца-разведчика. Долговязый, худой, с некомандным голосом и уж совсем некомандирской манерой общения с подчиненными. К солдатам он обращался то на «вы», то на «ты»; кажется, совершенно не умел кричать. Когда прапорщик Максимов рассказал матерный анекдот, и вовсе засмутился, как красная девица, не зная, то ли ржать вместе с остальными, то ли сделать старшине замечание. Сегодня для лейтенанта решалось многое. Особенно, если возникнет так называемая НС – нештатная ситуация...

– Связь есть! – доложил ефрейтор Окунь.

– Маяк! Я – Шхуна. Начинаю движение, – сообщил по рации Крылов и, получив «добро», передал об этом в головную машину, где находился начальник колонны подполковник Лугов. «Уралы» двинулись по дороге, которую только что прошли саперы с инженерной разведкой.

– Второй приказал ускорить движение, – доложил радист Окунь, и команда тотчас была передана по колонне.

За бортами грузовиков проплывал унылый, абсолютно однообразный пейзаж.

– Ни деревца, ни кустика, – прокомментировал зрелище прапорщик Максимов, сидевший рядом с лейтенантом. – Не знаю, как вам, Роберт Сергеевич, а мне очень нравится!

Федор Максимов был одного возраста с Сафроновым, но упорно называл лейтенанта по имени-отчеству. В этом чувствовалась заметная ирония, но взводный не реагировал. Хотя Сафронов с детства предпочитал, чтобы его называли по фамилии. Своего имечка, данного родителями, очень уважающими поэтов Бернса и Рождественского, взводный стеснялся.

– С точки зрения боевых действий лучшего пейзажа не придумаешь, – отозвался Сафронов. – Если «духи» появятся, то будут как на ладони.

В середине кузова, в котором сидели Федор и лейтенант Сафронов, было обустроено нечто вроде окопа среди мешков. В этом самом окопе и разместились вооруженные автоматами взводный, прапорщик и молчаливый киргиз – рядовой Бекамбаев. Между тем асфальтированное, с выбоинами шоссе петляло по склонам. С левой стороны показались глиняные дувалы заброшенного кишлака. Сафронов старался ничем не выдать своего волнения, так как именно в таких дувалах обычно и устраивали засады афганские моджахеды. Максимов и Бекамбаев, в свою очередь, также не проявляли беспокойства.

– Подбил машину – одна цена, подорвал «броник» еще – выше, – произнес Федор. – Хозяева у этих гадов щедрые. Ну а уж если сумеют живым добыть какого-нибудь лейтенанта, то и вовсе озолотят.

– Озолотят не озолотят... – задумчиво произнес в ответ Сафронов. – Вот если вместе с лейтенантом захватят прапорщика, который лихо травит анекдоты, то точно озолотят.

Максимов лишь усмехнулся, но не ернически, а скорее одобряюще. Лейтенант оказался не из унылых, вполне свойский. В это самое время колонна втянулась в узкое ущелье. Капитан Крылов дал по рации команду усилить бдительность. Однако ущелье оказалось неопасным и коротким. Холмы расступились, вдаль показались деревья, видимо, абрикосовые. И тут колонна остановилась.

– Я – Шхуна! – послышался в рации голос Крылова. – Почему встали?

Ответил капитану ближайший пост боевого охранения. На дороге были замечены подозрительные люди, поэтому на маршрут вновь вышли саперы. Вынужденный привал затянулся на полтора часа.

– Роберт Сергеевич, анекдот про прапорщика хотите? – прервал вынужденную затянувшуюся тишину Федор.

– Сам ты Роберт Сергеевич! – откликнулся Сафронов. – Давай свой анекдот.

– Прапорщик возвращается из командировки и первым делом заходит к соседу:

– К моей никто не заходил?

Сосед отвечает:

– Никто.

– Совсем никто?

– Совсем.

– Все двадцать восемь дней?

– Все двадцать восемь дней.

– Ну, тогда и я не пойду... Не смешно, Роберт Сергеевич, зато про прапорщика.

– За то в одно место суют долото, – как ни в чем не бывало, произнес Сафронов. – А за это в тараканье царство билеты.

Федор хотел было как-то скаламбурить в ответ, но в это мгновение пришла команда, что можно расслабиться и пообедать. В самом деле – место стоянки было безопасным. Справа и слева – ровное, не позволяющее устроить засаду пространство. Прапорщик достал консервные банки с гречневой кашей, рядовой Бекамбаев буханки хлеба. Только все трое приступили к еде, как в их поле зрения возник старший лейтенант Гоголев. Он имел армейскую специальность политработника-спецпропагандиста, окончил по этому профилю училище во Львове. Службу свою старался нести справно. При его появлении Сафронов и прапорщик досадливо переглянулись. Позавчера Гоголев в категорической форме потребовал от взводного, чтобы тот лично организовал выпуск «боевого листка». Неужели сейчас старлей-пропагандист потребует отчитаться о проделанной работе? Однако Гоголев был сейчас задумчив и настроен на иной лад.

– Душманы объявили по кишлакам, что наша колонна вывозит рис в СССР, – сообщил Гоголев. – Хотим, дескать, устроить голод. Такая вот пропагандистская акция. Такое нельзя оставлять без ответных действий. Я сейчас напишу текст, переводчик перекатает его на фарси, и мы с тобой, лейтенант Сафронов, должны будем выступить перед афганским населением. Мы привезем им рис и... скажем дружественную речь на их родном языке. Какой тяжелый все-таки язык фарси, – вытерев пот со лба, проговорил Гоголев.

– Извините, товарищ старший лейтенант, но местное население говорит на дари и пушту, – заметил Сафронов. – Дари, правда, еще называют фарси-кобули.

– Да?! – беззлобно вскинул брови спецпропагандист. – Спасибо, Сафронов. Так вот, основные положения нашей речи я построил на принципах пролетарского интернационализма.

– Еще раз прошу прощения, – своим некомандным штатским голосом Сафронов вторично внес свои коррективы в спецпропаганду. – Наша колонна движется с севера на юг. Последнему, извините, идиоту ясно, что мы движемся не к границе СССР, а в сторону окрестностей Кабула.

В самом деле – автоколонна двигалась в глубь страны.

– М-да, – кивнул Гоголев и тут же обернулся на чей-то окрик. – Сейчас, сейчас, товарищ Замонуддин.

Спецпропагандиста окликнул экспедитор местной государственной кооперации. Сейчас он стоял рядом с сафроновским «Уралом» и, несмотря на отсутствие опасности, сжимал в руках автомат Калашникова с укороченным дулом. С момента гибели родного брата Замонуддин не расставался с оружием, хоть и был не солдатом, а простым служащим. Замонуддин говорил быстро, тыча пальцем в бумажку с текстом пропагандистской речи, которую держал в руках Гоголев, по возможности используя русские слова:

– Рис дуكان – 300 афгани. Кооператив – 280 афгани.

Гоголев радостно закивал головой, быстро что-то вписал в свою речь, похлопал экспедитора по плечу и вернулся к Сафронову.

– Товарищ Замонуддин предложил очень дельную вещь! – сообщил спецпропагандист. – Его кооператив хочет прижать частника-дуканщика. Госсектор продает меру риса в семь килограммов на семьдесят афганей дешевле... В заключении речи надо как-то связать все это с Апрельской революцией.

Обсудить этот вопрос с Сафроновым Гоголев не успел, так как по колонне прошло сообщение, что саперы свое дело сделали и автокараван трогается дальше.

«Уралам» предстоял самый беспокойный отрезок пути – три Баглана: Северный, Центральный и Южный. Так именовались населенные пункты. Сафронову никак не верилось, что здесь может быть организована засада. Бородатые дехкане везли на ишаках свою нехитрую поклажу, навстречу попадались разрисованные заковыристыми картинками автомобили, именуемые местными «буру» – от афганского глагола «двигаться». Рядом с дуканами на низеньких и огромных квадратных столах, поджав под себя ноги, сидели молчаливые, смотрящие куда-то вглубь, старики. Вдоль колонн появились местные пацаны с кулками мандаринов, орущие свое «Купи, командор!» так громко, что напрочь заглушали шум автомобильных двигателей. Ничто не предвещало боевых действий. Однако, как только выехали из Северного Баглана, по нервам ударило безлюдье. Сафронов заметил, что заметно напрягся даже опытный в таких передрягах Федор Максимов. Вновь пошли с обеих сторон темные дувалы и высохшие арыки. Так, в тишине, в которой растворился даже гул моторов, колонна проехала минут пятнадцать. И вдруг впереди послышалась автоматная очередь. Поначалу она воспринималась, как стрекот кузнечиков, но очень быстро превратилась в шум смерти, не раз слышанный Сафроновым на полигонах и учениях. Однако по нему, Роберту Сафронову, стреляли впервые.

– Началось, – без всякого выражения в голосе произнес Федор.

Следующая очередь ударила совсем близко. Дважды простучала по броне. Тем не менее колонна продолжала движение. Лишь заметно увеличила скорость. Прошло секунд тридцать, полминуты, и стрельба так же резко, как и началась, стихла.

– Все? – впервые за все время следования подал голос рядовой Бекамбаев, поочередно обведя взглядом взводного и прапорщика.

– Все, – кивнул Максимов.

И тут в голове колонны послышался грохот. Не оглушающий, но вполне отчетливый взрыв.

– Гранатометчик! – только и произнес Федор, первым сообразивший, что случилось. – Эти суки растянули засаду, и у кого-то сдали нервы, раньше времени по нам полоснул. Без нервов, Бекамбаев...

Капитан Крылов по радиации отдал приказ остановить колонну и занять оборону. Несколько водителей выскочили из кабин и залегли за скаты автомобилей. «Окоп» внутри кузова оказался крайне неудобным для ведения ответного огня и обороны, зато хорошо простреливался, поэтому Сафронов, Федор и Бекамбаев также вынуждены были покинуть машину и укрыться за скатами. Сафронов выстрелил пару раз одиночным огнем, стараясь поймать в прицел нападавших, однако у тех оказались весьма хорошо оборудованные огневые точки. Приходилось стрелять на вспышку, не видя самого противника. От головы и хвоста колонны подошли два бронетранспортера, прикрыв своими бортами обстреливаемые «Уралы».

– Уводить колонну! – продублировал команду ротного прапорщик Максимов. – Немедленно!

Однако засевшие за скатами «Уралов» солдаты-срочники не торопились выполнять приказ. Это было легко понять – пули свистели над головами молодых пацанов, появились первые раненые. Прапорщик Максимов и лейтенант Сафронов двинулись почти одновременно по-пластунски к головной машине. Первым вскочил в распахнутую дверцу кабины взводный. Сразу две пули ударили над самой головой, куроча обшивку кабины. Бронетранспортеры тут же ударили плотным слаженным огнем. Сафронов отбрасывал лишние мысли, стараясь думать лишь о том, как вывести злосчастный «Урал» из-под огня. Вот он поворачивает ключ зажигания, вот подошвами ног ощущает работающий двигатель. Вот вновь, в каких-то сантиметрах от правого виска, душманские пули входят в обшивку кабины... Второй «Урал» вывел из-под огня Федор, третий – водитель, рядовой с замысловатой украинской фамилией Великохатко. Далее цепочкой потянулись и остальные. Капитан Крылов вместе с тремя автоматчиками и снайпером прикрывал огнем тронувшуюся колонну и уходил последним, запрыгнув в люк замыкающего колонну бронетранспортера.

Жители кишлака, слышавшие перестрелку, встречали колонну немногочисленной, опасно взирающей на машины группой, состоящей в основном из пожилых мужчин. «Держать себя в руках, – скомандовал самому себе Сафронов, сбавляя скорость. – Народ и бандиты не одно и то же, спецпропагандист Гоголев всегда прав!» Между тем лейтенанту было понятно, что душманы базировались где-то рядом, в этом и ни в каком другом кишлаке. Однако мстить нельзя. Все должно быть в соответствии с законностью. Будут написаны соответствующие рапорты. Через пару дней кишлак посетят товарищи из ХАДа² или Царандоя,³ выполнят свою работу... На выходе из кишлака «Маяк» запросил позывные. Это означало, что колонна миновала все три Баглана. До Пули-Хумри, где предстояло переночевать и заправиться, оставалось всего ничего. Сафронов крутил руль, точно заправский шофер, усмехаясь, что не зря еще в школе получил права, и старался не замечать пробоин сверху и справа от своей головы.

На диспетчерском пункте в Пули-Хумри экспедитор товарищ Замонуддин тут же был встречен представителями местных властей, с которыми завел эмоциональную, изобилующую выразительными жестами беседу.

– Через пару суток будем в Кабуле, отметим боевое крещение! – произнес капитан Крылов, положив на плечо выбравшегося из кабины «Урала» Сафронова свою тяжелую ладонь. – С удачным дебютом, лейтенант.

– Спасибо, – отозвался Сафронов.

– Дебют, товарищи, это квазиунофантазия! – заметил Федор Максимов. – Мои поздравления, Роберт Сергеевич! – Федор протянул взводному свою не менее широкую и тяжелую, чем у Крылова, ручищу, украшенную крылатой десантной татуировкой.

– Видишь, Сафронов, какие у нас пошли прапорщички, – присвистнув, сказал Виктор.

² ХАД – афганская госбезопасность, контрразведка.

³ Царандой – афганская милиция, МВД.

– Это не я сказал, это Остап Бендер, – пояснил улыбающийся металлическими коронками Федор.

– Так, ну а теперь пошепчемся о деле, – слегка понизив голос, произнес Крылов.

Все трое отошли в сторону от перебрасывающихся громкими, зачастую похабными шутками солдат, снимающих таким образом стресс от недавнего боя.

– Участок пути, на котором была устроена засада, всегда считался тихим, – начал капитан Крылов. – Это данные и нашей разведки, и ХАДа. Грузы по этой трассе постоянно идут и в ту и в другую сторону. Остановить колонну, которую сопровождают «броники», практически нереально. Ну потрепали нас слегка, троих ранили... Могло, конечно, быть и хуже. – Крылов переглянулся с Сафроновым и ободряюще усмехнулся. – Но тогда нам на помощь пришли бы «вертушки», и «душкам» пришлось бы уж совсем невесело. – Ротный выждал короткую паузу, потом по очереди оглядел цепким взглядом обоих своих подчиненных. – Кто что интересное заметил?

Сафронов лишь пожал плечами. Сперва он пытался поймать в прицел замаскировавшихся врагов, потом думал о ключе зажигания.

– Блики, – произнес Федор. – Пару раз сверкнуло с «той стороны». Похоже на снайперские прицелы.

– Я тоже подметил, – кивнул Крылов. – И наш штатный снайпер, хоть и вторую неделю к своей мортире прилаживается, тоже. Интересное получается «индийское кино», как говорит наш завскладом Михеич. Крупных моджахедских банд в этом районе сейчас нет. А те, что есть, вооружены автоматами, минами, гранатами... Одним словом, профессиональных снайперов у них нет, да они им и не особо потребны.

– Точные данные? – переспросил Сафронов.

– Я не первый год в разведке, – ответил Виктор. – К тому же наши разведданные совпадают с данными ХАДа. Не нужны местным «душкам» снайперы. Пулеметчики, гранатометчики – это да. Снайперы – другой уровень. Они, спецы эти, в другой провинции сейчас. Всякое, конечно, бывает, но мое мнение такое. На автоколонну напали с целью уничтожить кое-кого из нас... Может, конечно, я что-то не так понимаю? – Капитан переглянулся с Федором, но тот ничего не ответил командиру.

Некоторое время все трое молчали.

– У меня пули над самой башкой ходили, – продолжил Крылов. – Снайпер наш, Вовка, хоть и первогодок, но сумел погонять душманского стрелка и, кажется, даже подстрелил... Сафронов, тут последние полтора месяца начались интересные дела. Федор соврать не даст. Я, как командир разведроты ВДВ, получил данные о караванах, везущих «дурь».

– Какую «дурь»? – не понял Сафронов.

– Наркотики. Опий, героин. Причем шли эти караваны без всякого прикрытия, внаглую. По одному из них дал рапорт выше. Там сначала обрадовались, потом сникли и... Точно и не было ничего. Второй караван взял лично, вместе с Максимовым. Всех, кроме одного, захватили живыми, сдали, опять же, вышестоящим товарищам вместе с «грузом». Не прошло и двух недель, как «груз» улетучился, точно его и не было. Один из задержанных нами повесился прямо в камере следственного изолятора ХАДа, другой был застрелен при попытке к бегству. Остальные отпущены за недоказанность их преступной деятельности. Я к начальству, а у начальства уши заложило. Точно и не слышат ничего. Как говорит наш завскладом Михеич – «индийское кино», да и только... А ведь пресекать распространение наркотиков входит в наши прямые обязанности, – закончил Виктор на какой-то сокрушенно-отчаянной ноте.

– Караван шел с юга на север? – спросил Сафронов.

– В том-то и дело, что на север. К нашим родным границам. Без всякого боевого прикрытия, – сдержанно констатировал в ответ Крылов. – А сегодня на нас вышел снайпер. Кто-то заставил душманов пойти на риск...

Произнести что-либо в ответ ни Федор, ни взводный не успели. Зычный голос спецпропагандиста-политработника Гоголева сзывал товарищей офицеров на народный митинг.

– Почему наша мирная колонна вызвала столь яростную ненависть врагов Апрельской революции? – Открыв митинг, Гоголев задался тем же вопросом, что и комразведроты Крылов. – Здесь лишь одно объяснение: мы везли мирный груз – рис, продовольствие. Контрреволюционным силам не выгодно, чтобы положение с продовольствием стабилизировалось. Они не хотят, чтобы люди видели, как народная власть хочет облегчить им жизнь, что солдаты с красными звездочками в любой момент готовы оказать им помощь!

– Кабы оно так и было, – негромко вздохнул стоявший рядом с Сафроновым прапорщик Максимов.

Экспедитор товарищ Замонуддин громко и пафосно переводил фразы, сказанные Гоголевым, используя при этом весь арсенал присущего многим восточным людям языка жестов. Выразительности движений рук и пальцев экспедитора государственной кооперации позавидовали бы иные профессиональные сурдопереводчики.

Глава 2

На базу подразделения ВДВ капитан Крылов и его подчиненные вернулись через двое суток. Комроты произнес слова благодарности всем участникам «рисового рейса», вручил рядовому Великохатко вымпел с надписью «Лучшему водителю» и объявил сутки отдыха. Сам же уединился с Сафроновым и Максимовым в пустующем штабном помещении.

– Слушайте дальше, господа хорошие, – довольно-таки бодрым голосом начал капитан Крылов. – Называю вещи своими именами – с афганских плантаций наркотики идут напрямиком в СССР. Причем не просто так, а точно по какому-то плану.

– А командование? Особисты что говорят? – спросил Сафронов.

– Я уже один раз говорил, повторять не люблю, – бросив быстрый взгляд на Сафронова, ответил Крылов. – Вообще, конечно же, требуют пресекать наркокараваны... Наш комбат, ты с ним еще не знаком, Сафронов, пытался это дело выяснить. Теперь в госпитале.

– Снайпер? – уточнил Сафронов.

– Да нет. Какая-то неизвестная болезнь скрутила нашего Павла Яковлевича. Третий месяц в столичном госпитале, сейчас на поправку пошел. А вот инфекцию, что его подкосила, так и не выявили. В общем, так. Пока не будет официальных приказов от командования, я как командир роты и и.о. комбата беру полномочия на себя – мы все-таки разведка, а не брехпункт. Потому будем действовать по своему усмотрению. С нами еще будет Дима.

– Очкарик-переводяга? – не слишком доверчиво переспросил Федор.

– Младший лейтенант Корольков, – кивнул Виктор. – Без переводчика нам сейчас никак нельзя, а Димка парень стоящий. Его надо от нашего спецпропагандиста спасать, а то Гоголев хочет заставить Диму начитывать на кассеты свои пропагандистские тексты. Отдельно на дари, отдельно на пушту... Трех соколов, каждый с походкой «царя зверей»,⁴ заметили.

– Таких грех не заметить, – откликнулся Федор. – Только нам подробности об этих «царях» не положены.

«Соколов с походкой» Сафронов заметил еще четыре дня назад. Прибыли на черных «Волгах» под охраной мощных ребятишек из «Каскада».⁵ Одеты в защитного цвета куртки без знаков различия. Въехали на базу, о чем-то быстро переговорили с начальником штаба... Потом Сафронов видел их в гостевом доме, специально построенном особняке для почетных гостей, артистов, журналистов центральных изданий. О таких «соколах» лишних вопросов обычно не задают. Капитан Крылов этот вопрос поставил.

– Что за птицы? – небрежным тоном, точно невзначай, спросил Сафронов.

– Высокий, в темных очках – Шубин из центрального аппарата КГБ. Полковник или даже генерал. Пузатенький – Уткин Степан Митрофанович, международный отдел ЦК КПСС, – проговорил Крылов. – А вот третьего не знаю.

– Держится так, словно он у них за старшего. Татуировки его видел? – поинтересовался Федор.

– Грехи юности, – прокомментировал Крылов.

– Интересная у него юность была, – кивнул прапорщик. – В местах лишения свободы пару раз побывал, точно говорю. Такие перстни, как у него на пальцах, запросто так не накалывают.

– Вот такие у нас прапорщики пошли, – подмигнул Сафронову Виктор. – Квазиуно! Разведчик все должен знать и подмечать... Делать будем вот что – уважая опыт Великой Отечественной, для начала отправимся за «языком».

– Может быть, кого-нибудь из местных использовать? – спросил Федор. – Или...

⁴ Царь зверей – высокопоставленное официальное лицо.

⁵ «Каскад» – спецподразделение КГБ в Афганистане.

– Времени нет, да и местные эти, знаешь ли... – поморщился Крылов. – Была такая байда, когда ты в отпуск на родину ездил. Хадовцы, афганские контрразведчики, привезли к нам своего агента. Представили как проверенного, сочувствующего властям товарища. Тот вызвался показать с воздуха склад с душманским оружием. Дело отлагательств не терпит – оружие (в том числе минометы, гранатометы) в первую очередь по нам ударить должно. Загрузились в «вертушку», подлетели к деревне. Проверенный товарищ, не скрывая праведных гневных эмоций, тычет чуть ли не всеми пальцами в небедный, солидных габаритов дом с садом. Рассуждать да прикидывать некогда – отбомбились по душманскому логову. Тут же, в вертолете, пожали руку добровольному помощнику. А на следующий день всплыла правда. Прокуратура и особисты раскопали, но, как обычно, «опосля». Уничтоженный «оружейный склад» был домом богатого соседа того самого «проверенного товарища». По весне осведомитель взял в долг посевное зерно. «Проверенный товарищ» был беден, но хитер. С помощью десантной авиации он решил сразу две проблемы – устранил богатого соседа как врага народной власти и избавился таким образом от кредитора. В стиле Ходжы Насреддина.

Ни Сафронов, ни более опытный в боевых переделках Максимов не знали, что и ответить. Жизнь не кинопленка, обратно не отмотаешь.

– Местные дехкане – сомнительные информаторы, – подытожил Крылов. – Те данные, что они дают, сплошная деза. А вот личные проблемы нашими руками решить – это сколько угодно. Поэтому будем получать разведанные без агентуры. Возьмем «языка» и поспрашиваем у него – что все эти последние события означают. А пока свободны! Ты, Сафронов, сходи, с землячкой-то познакомься. Не стесняйся и не брезгуй. К нам сюда лучших направляют. Спортсменов, комсомолок... В клубе сегодня индийское кино – «Затянувшаяся расплата».

– С какой землячкой? – не понял лейтенант.

– Разочаровываешь, Сафронов, – отозвался Виктор. – Пять дней назад в женском общежитии появилась. Из Московской области, как и ты. Работает с какими-то инфекциями, но собой очень даже ничего. Зовут Ирочкой. Вперед, разведчик.

Около женского общежития, которое представляло из себя двухэтажное, барачного типа помещение, Сафронов нос к носу столкнулся с незнакомым старшим лейтенантом из мотострелкового полка. Тот был чуть пониже ростом, пошире в кости и вид имел куда более уверенный и непринужденный, нежели взводный.

– Будем знакомы, гвардеец! – Офицер протянул широкую ладонь. – Вадим Парфенов.

– Сафронов Роберт, – отрекомендовался лейтенант, крепко сжав протянутую руку, отметив при этом, что фамилия ему знакома.

– Сюда каким ветром? – кивнув на общежитие, довольно бесцеремонным тоном спросил Вадим.

– Считай, тем же, что и ты, – в тон Парфенову ответил Роберт. – А вообще, мне девушку одну нужно увидеть. Она здесь недавно, ее Иррой зовут.

– И мне, представь себе, тоже надо увидеть девушку Ирочку, – как ни в чем не бывало усмехнулся Вадим.

– Мы с ней из одного города, – миролюбиво пояснил Сафронов. – Просто поговорить хочется, без всяких там...

– Почему же «без всяких там», можно и со «всякими», – отозвался Парфенов. – Стало быть, Ирочка. Эй, девушка! – Вадим окликнул женщину лет тридцати пяти, подошедшую к дверям общежития. – Вы нам Иру Строганову позовите, пожалуйста.

Женщина, замедлив шаг, усмехнулась, потом кивнула головой. А Сафронов отметил, что Вадим собрал разведанные куда оперативней и точнее.

– А еще – когда мимо проходили четверо ребят из «Кобальта»,⁶ этот третий козырек «афганки» до самого носа натянул, а руки за спину спрятал. – Федор продемонстрировал, как третий из важных «соколов» спрятал татуированные кисти рук.

Беседа с ротным в штабной комнате с уходом Сафронова не закончилась. Жирная муха своим надоедливым жужжанием старалась вклиниться в разговор, но, видимо, зная выучку бойцов ВДВ, старалась не приближаться к ним на расстояние вытянутой руки. Она то кружила под потолком, то ударялась в оконное стекло.

– Увольняйся из армии, Максимов. Возвращайся в свой институт, – произнес в ответ капитан Крылов. – Тебя оттуда со второго курса выперли, восстановишься.

– В своем – нет, – покачал головой Федор. – Я оттуда слишком громко вылетел. В другом можно попробовать... А чего это вы мне, товарищ капитан, советуете из войск?

– Убьют такого умного и эрудированного, – ответил Крылов. – Куда я вас с лейтенантом и с переводягой тяну?!

– Не знаю, как переводяга, а мы с лейтенантом добровольно. Я вон недавно по телевизору в «Международной панораме» видел – уже не помню в какой стране, каждый третий подросток пробовал наркотики. И пацаны, и девчата. А каждый шестой через пару лет умирает в тяжелых мучениях... А мы что – даром погоны надели? Вы же сами сказали – «дурь» идет в Союз. Стало быть, к нашим пацанам и девчатам?! – Федор перешел на «вы», зачем-то подчеркивая не слишком жалуюмую Крыловым субординацию.

– Выясним, – произнес капитан.

С этими словами он молниеносным движением метнул в оконное стекло коробок спичек. Жирная муха перестала жужжать и брюхом вверх замертво свалилась на подоконник.

– Мы знаем, что вас зовут Ира. Я – Вадим, а это Роберт. Представляет доблестные десантные войска. Теперь вы, Ирочка, должны будете выбрать, кто будет за вами ухаживать!

Девушка была несколько ошарашена столь стремительной атакой старшего лейтенанта Парфенова. Она зарделась румянцем и не знала, что произнести в ответ.

– Роберт ваш земляк! Тоже из Подмосковья. – Вадим назвал родной город Сафронова. – Ну а я – почти земляк. С Москвы-столицы!

Фамилия Вадима Сафронову была знакома не случайно. Отец старшего лейтенанта тоже был лейтенантом, но с приставкой генерал. Вадим же Парфенов окончил столичное «кремлевское» училище. Как говорили злые языки, в Афганистан сын генерала прибыл, чтобы в скором порядке получить медаль или даже орден, почетное звание участника боевых действий, а потом успешно поступить в военную академию. Впрочем, о генеральских детях всегда болтают нечто подобное. Сам же Вадим казался сейчас Сафронову веселым, компанейским парнем. Чуть наглым, но, возможно, для знакомства с девушками это не последнее качество, тем более что у Сафронова оно отсутствовало напрочь.

– Даже не знаю, что вам ответить, – честно произнесла девушка Ирочка. – Как там у нас, на малой родине? – Девушка перевела на Сафронова свои яркие зеленовато-серые глаза. – Если вы правда оттуда?

Кажется, она справилась со смущением и была совсем не против нового знакомства.

– Скорее, у вас надо спросить, – проговорил в ответ Сафронов. – Вы же только что приехали, а я... Так сложилось, что уже давненько не бывал.

Девушка впервые улыбнулась. И Сафронов отметил, что она милая и славная. Не слишком яркой внешности, невысокого росточка, но с приятным лицом, добрыми глазами (такие серо-зеленые глаза часто называют среднерусскими) и очень идущей ей прической из темно-русых волос – с челкой спереди и средней длины хвостиком сзади.

⁶ «Кобальт» – спецподразделение советского МВД в Афганистане.

– Ирочка, время нас поджигает! – хлопнул себя по запястью Вадим Парфенов. – Вы должны сделать выбор, причем немедленно.

– Ой, обязательно немедленно?! – как-то растерянно произнесла Ирочка.

– Так точно! – произнес Вадим. – Через полчаса в нашем клубе будет лекция о международном положении, а потом танцы и кино. На лекцию можно опоздать, а вот на танцы и кино не стоило бы...

– Тогда я переоденусь, – робко сообщила Ира.

– Да, конечно, – кивнул Вадим, и девушка скрылась в дверях общежития.

В самом деле – ее джинсы, кроссовки и легкий, ручной вязки, свитерок не очень подходили для вечернего культурного мероприятия.

– Сафронов, лейтеха, будь человеком! – вдруг горячо зашептал Роберту в самое ухо Парфенов. – Оставь нас наедине, а?! Такая девочка, понимаешь, я, кажись, запал! За мной две бутылки! Прямо сегодня! Ну, Сафронов?!

– А почему я? – переспросил Роберт.

Тон Парфенова, его панибратское обращение не слишком понравились лейтенанту.

– Потому что я первый взял инициативу, – торжественно сообщил Вадим. – Ты же сам засмутился и девушку в краску вогнал, сам взор потупил... Я тебя обскакал, сознайся уж!

– А мы что, на скачках? – не очень дружелюбно поинтересовался Сафронов.

– Считаю, что да, – как ни в чем не бывало, ответил Вадим. – Тут, знаешь ли, такие правила... Ладно, давай так. Я эту киску очарую, свое дело сделаю и тебе передам. По-честному, Робик. Надо было подсуетиться.

Сафронова еще никто в жизни не называл Робиком. Стало быть, этот генеральский сынок торг затеял, а Сафронов, получается, мешает ему «сделать дело».

– Мне это не нравится, – спокойно, без угрозы в голосе произнес Сафронов. – Может, я тебя не так понял, Вадим?

– Что такое ППЖ слышал? – вопросом на вопрос ответил Парфенов. – Или в Рязанском десантном это не проходят?

Сафронов слышал. ППЖ – походно-полевая жена. Слышал и слышал, но не задумывался и воочию не наблюдал... Но как же не шло, совсем не подходило к девушке Ирочке это дурацкое определение.

– А где у женщин самые курчавые волосы, десанникам объясняют? – не получив ответа, продолжил в том же духе Парфенов. – В Африке, Робик, запомни и объясни своим гвардейцам... Короче, лейтенант! Если решил со мной тягаться, то скоро сильно пожалеешь, – все тем же ровным, дружелюбным, без малейшей угрозы, голосом сообщил Вадим.

Сафронов в ответ лишь усмехнулся. Старший лейтенант Парфенов выглядел крепким парнем, пожалуй, даже превосходил Сафронова в весе. Однако вряд ли он проходил специальную подготовку в отдельном учебном центре ВДВ. Рукопашный бой там преподавал полковник-вьетнамец, выпускник Академии имени Фрунзе, офицер военной разведки вооруженных сил Вьетнама. В свое время он прославился тем, что без ножа и прочих подручных средств в течение минуты отправил в мир иной пятерых вооруженных американских солдат.

Между тем перед Сафроновым и Вадимом вновь появилась Ирочка. Сейчас она была одета в кокетливую блузку, модного покроя юбку и туфли на высоком каблуке. Теперь она не казалась маленькой скромницей, напротив – перед офицерами сейчас стояла настоящая, без всяких оговорок, красавица.

– Ирочка, у нас с Робертом возникли некоторые осложнения, – как ни в чем не бывало, сообщил девушке Вадим. – Поскольку вы не изволили сделать своего выбора, нам с лейтенантом придется сразиться на дуэли.

– Ой, а может... – начала было взволнованная таким сообщением девушка.

– Все будет культурно и чинно, – успокоил ее Парфенов. – Мы не будем стреляться и тем более бить друг друга по лицам. Все по-честному и по-мужски! Кто кого уложит в честной борьбе, тому, Ирочка, вы и подарите сегодняшний вечер.

При этом Вадим согнул правую руку в локте, сжал кулак и изобразил традиционное мужское занятие – борьбу на руках. «Всего-то?! – мысленно усмехнулся Сафронов. – Конечно, ручища у генеральского потомка тяжелая, однако попробуем, раз он так жаждет».

– Спирт есть? – спросил Парфенов, когда все трое оказались в Ирочкиной комнате женского общежития.

– Кто кого перепьет, что ли? – поинтересовалась высокая, черноволосая и худая девушка Маша, Ирина соседка по комнате.

– Сейчас увидите! – сообщил Вадим и дружественно подмигнул Сафронову.

Роберт оглядел нехитрый быт женской общаги. По сути, та же казарма, ну, в крайнем случае, ДОС.⁷ Комната на четырех человек. Без телевизора, но с радиоточкой и двумя зеркалами. Сюда они пришли по настоянию Парфенова. Для «дуэли» ему нужна была точка опоры и, как оказалось, две железные кюветы-миски, до половины заполненные медицинским спиртом, которые не замедлила принести охочая до зрелищ Маша.

– Только тихо, а то Иннокентьевна застучает, пиши пропало! – заговорщицким шепотом проговорила Маша.

Кто такая Иннокентьевна, Сафронов не знал, но подозревал, что это какая-то строгая тетка, что-то вроде коменданта общежития. Между тем в комнате появились еще целых три молоденьких женщины. Полненькая, невысокая, по имени Лариса; длинноволосая, одетая в обтягивающую короткую майку, Тамара и еще одна, в очках, со строгим выражением лица, не пожелавшая назвать своего имени.

Парфенов установил кюветы со спиртом по бокам письменного стола, на поверхности которого и должна была происходить дуэль. Затем щелкнул зажигалкой, и спирт в обеих емкостях вспыхнул голубоватым пламенем.

– Начали, лейтенант! – произнес, точно скомандовал, Вадим, выставив вперед правую руку, упертую локтем в поверхность стола.

В самом деле – дуэль. Проигравшего макнуть всей кистью в пылающий спирт. Сурово... Сафронов молча поставил на стол свой локоть.

– Все будет в ажуре, Робик! – усмехнулся Парфенов. – Девчата с медициной знакомы, в случае чего перевяжут.

Девчата замерли, точно затаили дыхание. Это было не какое-то там «индийское кино». Ирочка попыталась было что-то произнести, но Маша остановила ее резким волевым жестом. У Сафронова в этот момент сложилось ощущение, что такую «дуэль» Вадим устраивает не впервые. Ладонь у Парфенова была шире и тяжелее. Он чуть ли не всю кисть лейтенанта сдавил и стал тянуть вниз. Выражение лица у Вадима было спокойным, без малейшего напряжения. Он точно демонстрировал сопернику, что жмет пока еще лишь в четверть силы. «Не пора ли сдаваться, дорогой Робик!» – говорила его безмятежная улыбка.

⁷ ДОС – дом офицерского состава.

Глава 3

Парфенов продолжал улыбаться. Рука Сафронова медленно, но неумолимо гнулась к синему пламени. Девушки молча, затаив дыхание, наблюдали за «дуэлью». Это не «Евгения Онегина» наизусть заучивать и не про княжну Мери читать. Из-за одной из них сейчас происходила самая настоящая дуэль. И не между пацанами в рваных штанах, а между гвардейцами-офицерами. Между тем лицо Парфенова заметно напряглось. Сомкнутые руки дуэлянтов остановились, точно окаменели, всего в нескольких сантиметрах от пламени.

– Где, говоришь, у женщин самые курчавые волосы? – неожиданно спросил Сафронов.

Полненькая Лариска хихикнула, Маша и Тамара фыркнули. Лицо Парфенова покраснело, он попытался было сделать резкий рывок и окунуть сафроновскую кисть в догорающий спирт, но у него не вышло.

– Если верить армянскому радио, то в Африке, – ответил за Вадима Сафронов.

Между тем ручища старшего лейтенанта стала подниматься вверх. На лице Сафронова слегка дернулись мышцы, и «линия фронта» выровнялась окончательно.

– Ничья, – робко подала голос Ирочка.

– Что скажешь, Вадим? – поинтересовался Сафронов.

Вместо словесного ответа старший лейтенант побагровел еще больше. Попытка очередным рывком выровнять «линию фронта» в свою пользу не увенчалась успехом. Сафронов же неуклонно гнул руку Вадима к пылающей уже совсем слабым огнем кювете. Лицо лейтенанта-десантника ничего не выражало. Дуэль есть дуэль, эмоции тут неуместны, да и делу не поможешь.

– Не надо! – совершенно неожиданно тонко пискнула только что хихикавшая Лариска, но было поздно.

Именно в этот момент рука Парфенова была опущена в наполненную горящим спиртом емкость. Вадим вскрикнул, чуть ли не волком взвыл, и не столько от боли, сколько от досады и позорного поражения. Сафронов верно догадался – такие дуэли сынок генерал-лейтенанта устраивал не впервые и сам никогда не щадил противника. Емкость между тем не удержалась на столе, и горящий спирт расплескался по полу.

– Спокойно, девчата! – сказал вскрикнувшим Лариске и Ирочке Сафронов и, не поднимаясь со своего табурета, затушил нарождающийся пожар собственным десантным ботинком-берцом.

Между тем за спиной Сафронова хлопнула дверь. Обернувшись, он увидел, что в комнату вошла рослая, статная женщина в темно-синих джинсах и спортивной майке-футболке, обтягивающей ее сильное, но при этом не лишнее женского изящества тело. Прическа у женщины была короткой, спортивной, а лицо решительным и некрасивым, с заметными следами оспы-ветрянки. По тому, как притихли девчата и унял самого себя чертыхающийся Вадим, Сафронов догадался, что это и есть суровая Иннокентьевна.

– Опять... – недобрым и при этом каким-то усталым голосом произнесла женщина.

– Все в порядке, Надежда Иннокентьевна, – морщась и растирая обожженную руку, отозвался Парфенов.

– Папе пожаловаться? Чтобы выпорол? – тем же спокойным, усталым голосом осведомилась Иннокентьевна у старшего лейтенанта. – Впрочем, кажется, сегодня тебя перевязывать придется.

Строгая женщина перевела взгляд на Сафронова.

– Молодец, – сухо, без всякого выражения произнесла она. – Помощь нужна? – кивнула она на правую руку лейтенанта, которую тот протирал носовым платком.

От легкого ожога при такой дуэли не убережешься. Однако Сафронов промолчал.

– Лариса, подлечи Вадима Романовича, – кивнула Иннокентьевна пухленькой девушке. – А я уж тобой займусь. Пошли...

Голос у Иннокентьевны был совсем не командирский, совсем даже не строгий. Как ни странно, именно поэтому Сафронов безропотно пошел следом за ней.

– Вот так... – смазывая руку Сафронова какой-то противоожоговой маслянистой мазью, приговаривала Иннокентьевна.

Голос у нее сейчас был тихий, успокаивающий, точно у медсестры в детской поликлинике.

– Спасибо, – произнес Сафронов, когда женщина закончила.

Иннокентьевна улыбнулась. «А ведь ей не намного больше, чем той же Ирочке, – подумал Сафронов, глядя в слегка подпорченное оспинками лицо женщины. – Просто черты лица грубоваты, прическа короткая...» И еще Сафронов понял, что Иннокентьевна добрая. Та, в свою очередь, изучала лейтенанта пытливыми-настороженными маленькими глазами. «И неглупая», – подвел Сафронов заключительный штрих характеристики.

– Не связывайся больше с Вадимом, – произнесла Надежда Иннокентьевна.

– По-моему, все было честно, так, как он сам захотел, – несколько театральным голосом произнес Сафронов.

– Ничего в этой жизни честно не бывает. – Голос ее вновь стал отстраненно-печальным и недобрый. – Иди, – не слишком любезно поторопила она замешкавшегося у двери Сафронова.

– Еще раз спасибо вам, Надя, – взявшись за дверную ручку, проговорил Сафронов, назвав суровую женщину по имени.

Тогда он еще не знал, что был первым в здешних краях, кто назвал ее просто Надей.

Между тем посрамленный Вадим куда-то испарился. Притихшие девчонки расставляли по местам мебель и терли тряпками пол. Судя по всему, немногословная Иннокентьевна была способна держать их в беспрекословной строгости. «Некрасивая женщина с волевыми командирскими качествами, – думал об Иннокентьевне Сафронов, спускаясь по лестнице к выходу. – У мужчин не в почете, оттого такая напускная суровость... Ничего в этой жизни честно не бывает...» Сегодняшний вечер показал, что очень даже бывает. Окончательно лейтенант Сафронов убедился в этом, встретившись у самых дверей с Ирочкой.

– Идемте в кино? – робко поинтересовалась девушка.

– Идемте, – кивнул Сафронов на правах господина офицера, победившего соперника в честном поединке.

Кинофильм, как это обычно и бывало, задерживался с показом. Механик клеил смотренные-пересмотренные копии, несколько пострадавшие после киносеансов в соседней провинции.

– Кто такая эта ваша Иннокентьевна? – спросил, чтобы не молчать, Сафронов у скукающей по левую руку от него Ирочки.

– Моя подчиненная – фельдшер-эпидемиолог, – ответила Ирочка.

– А вы, стало быть, врач? – задал следующий вопрос Сафронов.

Девушка утвердительно кивнула. В этот момент погас свет, и кинозал гарнизонного клуба наполнился звуками индийского диско, которые перешли в револьверные выстрелы. Началась «Затянувшаяся расплата».

В это самое время всего в каком-то километре от клуба в весьма удобном помещении сидели и вели неспешную деловую беседу трое представительных мужчин.

– Крылов со своим прапорщиком в кино не пошли. Сидят и что-то обсуждают, – сообщил один из них.

– Вот тут-то бы их и... – проговорил второй, сделав при этом выразительную паузу.
– Не болтайте глупостей, здесь вам не Марьино Роща, – довольно брезгливо отозвался первый.

– А я, между прочим, в Марьиной Роще никогда и не бывал, – парировал второй.

– Зато, наверное, Ванинский порт хорошо помните? – несколько смягчившись, произнес первый.

– И гул теплохода угрюмый, – кивнул, как ни в чем не бывало, второй.

– Товарищи-граждане, призываю высказываться по существу, – заговорил доселе молчавший третий, самый старший по возрасту.

– Сейчас будет по существу, – произнес в ответ первый, бросив взгляд на часы.

– Вы, Виталий Павлович, по-прежнему считаете, что иного выхода из сложившейся ситуации не существует? – спросил у первого немолодой третий.

– Крылов пишет рапорт за рапортом, – развел руками Виталий Павлович. – Акция же, которую мы проводим, строго секретна. И за ее секретность, Степан Митрофанович, отвечаю я. Уж извините, но, как человек сугубо штатский, вы не совсем понимаете сложившихся обстоятельств.

– Я тоже сугубо штатский, – непринужденно откликнулся второй, хорошо помнивший «гул теплохода угрюмый». – Тем не менее, Виталий Павлович, прекрасно вас понимаю.

Ответить Виталий Павлович не сумел, так как в дверь помещения, где находились все трое, раздался звонок. Виталий Павлович разрешил войти, и на пороге появился старший лейтенант Парфенов.

– Привет, Вадим, – точно со старым приятелем, поздоровался со старшим лейтенантом Виталий Павлович. – Что это у тебя с рукой? – кивнул он на обмотанную бинтом кисть правой парфеновской руки.

– Да так, – замялся Вадим.

– Выходит, отбил у тебя девицу долговязый гвардеец? – не слишком добро усмехнулся Виталий Павлович. – А Надька-фельдшерица выпороть обещала... Ой, извини, Надька грозилась папке твоему пожаловаться, чтобы он выпорол. Что молчишь, Вадим? У нас ведь был уговор – никаких идиотских выходок. Так?

– Простите, – пробормотал Вадим, запоздало спрятав за спину покалеченную руку.

– Простите! – передразнил старшего лейтенанта Виталий Павлович. – Твое дело – медаль получить и в академию, а ты х...ней занимаешься. Прощаю, но в последний раз, поймей в виду. А теперь слушай и не перебивай.

Виталий Павлович заговорил негромко, обстоятельно, при этом четко излагая суть и не размениваясь на детали. Двое его соратников в разговор не вмешивались, лишь пару раз обменялись одобрительными кивками.

– Сделаю, – выслушав Виталия Павловича, не слишком решительным голосом проговорил Парфенов.

– Приказ получен, изволь выполнить! – произнес Виталий Павлович. – И чтобы ни одна живая душа ничего не знала и не заподозрила. Это гостайна, Вадим. Даже твой отец ничего не должен о ней знать. Вы ведь проходили в училище юридические нормы в вооруженных силах. Что бывает за разглашение гостайны?

– Вплоть до высшей меры, – отозвался Парфенов.

– Если все пройдет успешно, через пару недель начнешь собирать вещи в академию. Сейчас свободен.

Когда Парфенов покинул помещение, Виталий Павлович бодро хлопнул ладонью по подлокотнику своего кресла.

– Об акции и тем более о ее истинных целях и задачах теперь не узнает никто, – одобритительно, самому себе проговорил он. – Конечно, жаль этих служак, но у нас слишком много поставлено на кон. Этот сукин сын Парфенов теперь возьмется за дело с полной самоотдачей. Потому как лейтенант, подчиненный Крылова, с сегодняшнего вечера его лютей, кровный враг.

Проводив Ирочку до дверей общежития, лейтенант Сафронов возвращался в собственное офицерское в весьма приподнятом настроении. Было чем гордиться и отчего радоваться. У самого крыльца Сафронов столкнулся со старшим прапорщиком Михеичем, заведующим оружейным складом подразделения ВДВ.

– Молодец, лейтенант, – подмигнул Сафронову Михеич. – Аж сердце вместе с брюхом радуются, отстоял честь родной гвардии!

У Михеича сердце всегда радовалось «вместе с брюхом». Болтливые девичьи языки уже разнесли о «дуэли» по всему гарнизону. Сафронов не знал, радоваться ему или наоборот. Пожалуй, скромность больше украшает гвардейца-десантника, нежели бахвальство.

– Он мудака, сынок этот генеральский! Привык, что все можно. Вот и доигрался с огнем! Ты его вовремя осадил, он тебе еще должен «спасибо» сказать!

Сафронов лишь усмехнулся, пожал тяжелую бугристую ладонь старшего прапорщика. Он даже не подозревал, какое «спасибо» скажет ему в ближайшее время Вадим Парфенов.

Глава 4

– Девушка – врач-эпидемиолог. Это звучит! – заметил Максимов за завтраком. – Кино-то хоть понравилось?

– Да так, – ответил Сафронов.

Утро наступившего дня Сафронов, Максимов и их капитан Крылов встретили все в том же штабном помещении. Завтракать в офицерскую столовую они не пошли, обойдясь пшенной кашей быстрого приготовления и индийским, купленным по случаю в ларьке, чаем со слоником на этикетке. Максимов собрался было что-то произнести – то ли новый анекдот, то ли что-то важное, пришедшее в голову лихого прапорщика ночью, – но в этот момент дверь офицерской комнаты без стука отворилась, и на пороге вырос взволнованный ефрейтор из разведроты.

– Ишак пошел, – только и произнес ефрейтор.

И это короткое сообщение заставило Крылова, Сафронова и прапорщика Максимова оставить недоеденный завтрак и броситься следом за ефрейтором к наблюдательной вышке.

– Дела, – только и произнес капитан Крылов, заглянув в окуляры армейского перископа, установленного на вышке.

И в самом деле – ишак.

Идет.

Ушастый силуэт ишака лейтенант Сафронов видел невооруженным глазом, хоть тот и брел на приличном от вышки и КПП расстоянии. Выпускники Рязанского десантного зрением не обделены. Но вот что было навьючено у ишака на спине... Об этом Сафронову не хотелось даже и думать. Как и Крылову с Федором. Сафронов хоть и находился в ДРА без году неделю, но знал, что такой вот ишак может тащить на КПП. «Духи», они же афганские моджахеды, имели такую поганую привычку – кромсать пленных на куски, а потом загружать останки в мешковину и навьючивать на осла. Потом выведут ишака на дорогу, дадут увесистого пинка – и тот пошел. Идет тот осел до тех пор, пока в полковые ворота башкой не упрется. Как только солдат-наблюдатель сообщит, что ишак опять в гости двигается, у всех скулы сводит, невольная дрожь пробивает. Видно того ишака наблюдателю издали, до полкового КПП ему минут сорок пилить... Среди солдат и офицеров в эти минуты всегда стояло гробовое молчание. Вот и сейчас ушастый неспешно двигался к армейским воротам.

– Давненько «духи» такого себе не позволяли, – произнес подчеркнуто равнодушным голосом Федор.

Остальные молчали. В самом деле – с «духами» уже полгода было «джентльменское соглашение». Сафронов был о нем наслышан. А Федор Максимов лично при подписании того «соглашения» присутствовал. Тогда был период особенно лютых и яростных столкновений с моджахедами. В плен к ним попадать и вовсе никак нельзя было. Жестокость нечеловеческая, зачастую необъяснимая. Федор еще солдатом-срочником был, когда в плен к моджахедам попал необстрелянный лейтенант-танкист. Труп доставили в полк. Тот же ишак и доставил, будь он неладен. Сгрузили на плац брезентовый, почти в два метра, сверток. Лейтенант тот хоть и танкист, но ростом выдался. Федор молодой совсем, но лихим гвардейцем-десантником себя уже почувствовал. «Можно посмотреть?» – спросил он, подойдя поближе. Дочерна загорелый сержант-старослужащий выплюнул окурок, прищурился: «Смотри, салага...» Федор отвернул полог и тут же отшатнулся, чуть не сбив сержанта с ног. Натворили с лейтенантом дел моджахеды. Залили танкисту голову расплавленным свинцом и раскатали под колесами грузовика. Получился огромный черный блин. Плоский, от палящего солнца блестящий. «Бывает...» – только и произнес Федор, возвращая брезент на место... Через полгода, когда Максимов был уже прапорщиком, моджахеды накрыли в Пандшере группу разведчиков из подразделе-

ния ВДВ. Погибли все. Капитан, командир группы, еще дышал. «Духи» добивать не стали, решили спектакль устроить. Для начала ружейными шомполами решили ослепить шурави. Да только капитан тот «спектакль» сорвал им. Сумел собрать последние силы и, как только первый инструмент вошел в глаз, рванулся всем телом вперед. Шомпол дошел до мозга. А «духи» ругались между собой – слишком легкую смерть шурави принял, все планы поломал... Об этом рассказывал на допросе в ХАДе один из пленных. Переводчик из младших лейтенантов с ВИИЯ⁸ запинаясь, с трудом произнося русские слова, стараясь не глядеть на Федора и присутствующих тут же офицеров разведки ВДВ. После этого случая разведгруппа, в состав которой входил прапорщик Максимов, пленный брат перестала. Начальство этого не одобряло, но собственных методов по обузданию бородатых изуверов предлагать не торопилось...

Теперь десантники обрушивались на кишлаки, в которых скрывались моджахеды, безжалостным, стремительным вихрем. И всегда неожиданно. Врывались в селение и – вперед, по дувалам. Именно там прятались как сами душманы, так и оружие, продовольствие для них. Всех мужчин сразу же сволокивали на центральную площадь. Кто много вякал не по делу или упирался, оставался лежать там, где раскрыл рот. Остальных заставляли скидывать их нехитрую, ветхую одежку. Если на плече оказывалась натертость, красная или синяя полоса, афганца тут же расстреливали. Автомат носил, стрелял много – приклад по плечу и походил... И тут выяснился один интересный и немаловажный нюанс. Смерть от пули душманы воспринимали спокойно-философски. Поначалу можно было восхититься их мужеством и силой духа. По местному поверью, душа погибшего от вражеской пули прямиком в рай отправляется. Но петли либо удавки боялись настолько, что в ноги могли броситься и умолять, причитая: «Не души, шурави! Лучше расстреляй!» Куда, как говорится, вся отвага, презрение к смерти улетучивались?! Оказалось, что, опять же по их поверью, удавка не дает душе погибшего покинуть тело через горло. Потому для истинно верующего страшнее кары нет. Бойцы это дело быстро склонили и теперь самых отъявленных зверюг вешать стали. Зверюги, те, что на свободе остались, быстро это дело просекли и прислали парламентаров. Комбат Павел Яковлевич, переводчик и Федор прибыли на ту дипвстречу. Говорили на дари, Федор ничего не понял, а комбат пояснять не стал. Только зверства с тех пор прекратились. Бои, само собой, продолжались, и смертей было немало. Пленных же старались теперь обменять и относились к ним без истязаний.

– Как только стали этой мрази тем же отвечать, сразу заглохло, – пояснил Сафронову в конце рассказанных историй прапорщик. – С ними только так. Как они с другими, так и им. По-моему, справедливо. Кто бы чего теперь ни говорил.

Сафронов ничего не ответил. Возрастом прапорщик был ничуть не старше своего взводного Роберта Сергеевича, однако боевой опыт имел куда богаче. Впрочем, опыт дело наживное. Вот теперь Сафронов и ишака увидел...

– Кто это? – спросил майор-штабист, изучая содержимое мешка, который сняли с ишака и развязали по его команде двое солдат из взвода внешней охраны.

– У нас за последнее время пленных и пропавших без вести не было, – ответил Крылов. – Надо запросить соседние подразделения.

Пересилив себя, Сафронов подошел вплотную к развязанному мешку, опустил взгляд. «Смотреть!» – скомандовал он самому себе. Опознать истерзанные останки было невозможно. Лица не было – лишь бурый от крови десантный камуфляж указывал на принадлежность погибшего к воинам ограниченного контингента. Плюс один сохранившийся погон с двумя лычками, обозначающими младшего сержанта-срочника. Штабист отошел в сторону, перевел взгляд, громко высморкался в носовой платок.

⁸ ВИИЯ – военный институт иностранных языков. Готовил переводчиков, в том числе для ГРУ, спецназа и др.

– Сейчас приедут прокурорские, особисты, само собой... – проговорил штабист, достав из кармана другой платок и вытерев им пот со лба. – Их теперь работа – запросы, экспертизы разные. Главное – не из нашего подразделения пацан этот несчастный.

Вытерев пот со лба, штабист высморкался и во второй платок. Капитан Крылов в ответ лишь тяжело вздохнул, дескать, согласен, товарищ майор... И тут же Крылов быстрым движением оголил одно предплечье изувеченного трупа, затем другое. Многозначительно переглянулся с лейтенантом и прапорщиком. Сафронов тут же сообразил, в чем дело, но промолчал. Если капитан сам не считает нужным сообщить штабисту, значит, на это есть особые соображения.

– Эксперты и особист, если не полные идиоты, спустя час сделают то же заключение, что и мы с вами в данный момент, – произнес капитан Крылов, когда они втроем снова оказались в комнате офицерского общежития.

– Парень этот не из наших, – кивнул Сафронов, желая первым высказать то, что поняли все трое несколько минут назад. – Он вообще ни к нашей армии, ни к советникам Царандоя никакого отношения не имеет.

– Может быть, кто-то из гражданских специалистов? – высказал неожиданное предположение Федор.

– Зачем его тогда в солдатскую форму одели? Да еще с погоном? – переглянулся со взводным Крылов.

– Я просто высказываю все возможные версии, – пояснил Максимов. – Мало ли чего бывает?!

– А я вот удивляюсь, как они такую промашку дали, – проговорил Крылов. – Видать, очень спешили. Значит, сильно я им мешаю. Снайпер не достал, решили таким вот образом...

В самом деле, Сафронов сейчас окончательно убедился, что рассказанное Крыловым накануне не цепь случайностей и не надуманные опасности. У всех без исключения солдат, офицеров, военных советников, принимающих участие в боевых действиях, в обязательном порядке имелась татуировка, обозначающая группу крови. Делалась она в районе предплечья, в таком месте, куда редко бывали ранения. Если же солдата разрывало в клочья, то никакая группа крови ему уже не нужна. У погибшего, доставленного ишаком, никаких татуировок не наблюдалось. Значит...

– Нас хотят спровоцировать на ответный рейд, – проговорил, подведя и так понятный всем присутствующим итог, Виктор Крылов. – В свою очередь, готовят ловушку. Думаю, вызов надо принять. Как считаете, гвардейцы-десантники?

– Или захватим «языка», кое-чего разузнаем... Или нами навьют ишака, – произнес в ответ Федор.

– Согласен, – кивнул Сафронов.

В эту самую минуту в дверь послышался робкий стук.

– Входи, Корольков, – отозвался Виктор.

На пороге появился высокий, но чуть пониже Сафронова парень в очках и с погонами младшего лейтенанта.

– Дмитрий Глебович, – представил Сафронову вновь прибывшего капитан Крылов. – Армейский переводчик. Пока еще не офицер, но имеет некоторые перспективы им стать.

Корольков сдержанно пожал руку Сафронову. В самом деле, ему больше подошла бы пионерская рубашка с галстуком и должность младшего пионервожатого, нежели десантный камуфляж. Однако выбора у Крылова не было. Хорошие переводчики были у бойцов спецотряда КГБ, но те ими делиться не имели привычки, а захватывать «языка» и не уметь его допросить... Одним словом, без очкарика Королькова никак. Сафронов догадался, что Дима

учился на последнем курсе восточного факультета института военных переводчиков и сейчас досрочно, с присвоением первичного офицерского звания, был направлен в ДРА.

– Значит, так, Корольков, – перешел к делу Виктор. – Нам будет уготована в ближайшее время теплая дружеская встреча, мы, в свою очередь, готовим угощение. Слушай, как все будет!

Крылов коротко изложил план предстоящей операции.

– Ты сидишь и не высываешься, – кивнул в конце инструктажа Королькову Виктор. – Иначе останемся без ушей и языка. Халь фахимта?⁹

– Табаан сахы х,¹⁰ – ответил Дима и тут же добавил на русском: – Вы делаете успехи в классическом арабском, но это не совсем дари...

– Поэтому тебя с собой и поволокем, – хлопнув по плечу переводчика, пояснил Федор.

Прапорщик явно нарушал субординацию, но младший лейтенант не возражал. Дима сам отлично понимал, что стать офицером ему еще только предстоит.

– I once had a girl, or should I say she once had me,¹¹ – затянул неожиданно правильно поставленным голосом Федор.

– She showed me her room, – подхватил, стараясь поддержать мелодию, Корольков. – Isn't it good...

– М-да, прапорщик, – прокомментировал хоровое пение Крылов. – Пинками тебя из армии надо гнать! Обратнo в институт! Квазиуно!

⁹ Ты понял? (арабск.)

¹⁰ Конечно, так (арабск.).

¹¹ Первые строчки известной песни «Норвежский домик» ансамбля «Битлз».

Глава 5

Водитель-рядовой Иван Великохатко копался в моторе уже добрых полтора часа. Сафронов топтался вокруг автомобиля, не зная, к чему ему еще приложить руки.

– Сколько на ваших, товарищ лейтенант? – поинтересовался Великохатко, продолжая имитировать устранение поломки.

– Двадцать пять минут третьего, Иван. И не забывай, сейчас я сержант, – напомнил Сафронов, кивнув на собственные лычки.

Ситуация выглядела следующим образом. Ехали на «Урале» водитель и командир отделения, везли себе какие-то запчасти в соседний гарнизон. Вдруг раз – мотор и поломался. Встали, ковыряются в моторе. Машина ни с места, старенький уже «Урал»-то, с латаным-перелатаным корпусом. Рации при себе нет, потому стоят бедолаги посреди дороги и ждут – либо мотор починится, либо кто-нибудь из мимо проезжающих поможет.

– Думаете, клюнут? – спросил немногословный, редко задающий вопросы Иван.

– Видел, бача¹² нам навстречу по дороге шел? Я тебе тогда и скомандовал остановиться, – напомнил Сафронов.

– Это я помню, – кивнул водитель. – Думаете, он со всех ног рванул про нас докладывать?

– Еще полчаса, – произнес Сафронов. – Если «гости» не пожалуют, поедем дальше. Пока следующего бачу или ханум не встретим.

Засада была продумана и организована капитаном Крыловым. Сам Виктор сейчас скрывался за камнями, метрах в тридцати от дороги, возглавляя группу огневого поражения. Чуть ближе, в укрытии у горного ручья, ждала своего часа ГЗ – группа захвата пленных, документов и вооружения. Ее возглавлял прапорщик Максимов, в подчинении которого было четверо гвардейцев-срочников, на гражданке показывавших неплохие результаты в боксе и самбо. Как только «гости» появятся на горизонте, водитель и Сафронов должны были укрыться за кузовом «Урала». В этот момент группа огневого поражения уничтожала снайперов и передовых автоматчиков, часть группы во главе с сержантом Алвзяном обходила «духов» с фланга. Местность вполне располагала к такому маневру. Таким образом, Крылов и группа Алвзяна обеспечивали группе Максимова «коридор», по которому «захватчики» делали стремительный бросок и захватывали пленников. На все про все, по расчетам капитана Крылова, должно было уйти не более минуты. В состав группы, возглавляемой Виктором, входили снайпер, наблюдатель (он же второй снайпер), пулеметчик, вооруженный пулеметом РПК, трое автоматчиков. Не помешали бы и огнеметный расчет, а также бронегруппа плюс артиллерийский корректировщик и группа «вертушек», хотя бы из двух вертолетов. Но всего этого у группы капитана Крылова не имелось. В связи с внезапностью рейда и его секретностью Виктор был ограничен в людях и прочей поддержке, поэтому пришлось обойтись без посторонней помощи. Была еще так называемая группа обеспечения из двух солдат, фельдшера, радиста и переводчика Королева. Этой группе было строго-настроено велено ни при каких обстоятельствах не ввязываться в бой. Они отвечали за обеспечение засады водой, сухпаем и связью. Все бойцы капитана Крылова были экипированы в полную боевую загрузку – бронезилет, «лифчик» с выемками для запасных рожков, а также по два индивидуальных пакета и по жгуту на каждого бойца. Общий вес такой экипировки был около тридцати килограммов.

Как только «Урал» с Сафроновым затормозил, вторая и третья машины, в которых находились остальные бойцы во главе с Крыловым, съехали на обочину и рассредоточились среди камней. Крылов отметил, что лейтенант Сафронов довольно толковый парень, выбрал весьма удобное место для «ремонта». «Учат долговязых в родном Рязанском десантном...» – не без

¹² Бача (афг.) – мальчик-подросток.

гордости за родное училище мысленно усмехнулся Виктор. Почти все офицеры, прибывавшие в ДРА, были выпускниками Рязанского воздушно-десантного училища либо разведфакультетов и десантных рот общевойсковых, инженерных или политических училищ.

Место было выбрано удобное, но вот только «гости» с визитом не торопились.

– У ручья, – негромко подал голос наблюдатель, он же второй снайпер.

– Готовность один! – подал команду Крылов.

В эту же секунду рядовой Бекамбаев два раза ухнул, точно местная птица с замысловатым названием. Сафронов и Великохатко получили сигнал. Лейтенант незаметным движением приготовил к бою пистолет Стечкина, водитель сделал шаг назад, укрывшись таким образом за капотом машины.

– Двинулись бородатые, – проговорил Крылов, отчетливо наблюдая появившиеся фигуры в чалмах.

Как он и предполагал, сразу стрелять «духи» не стали. Гораздо важнее было пленить солдат-шурави и, по возможности, захватить или уничтожить их технику.

– Добрый утро! – коверкая слова и ударения, произнес один из бородатых, как только оказался в поле зрения Сафронова.

В лоб Сафронову смотрело черное дуло автомата, очень похожего на немецкий «шмайсер». Такие лейтенант видел только в фильмах о Великой Отечественной. Между тем заглухнувший «Урал» взяли в полукруг еще пятеро бородачей. У них в руках были вполне современные «АКС-74».

– Пойдем, шурави, – негромко произнес старший, подойдя к Сафронову на расстояние вытянутой руки.

На сей раз ударения в словах было сделаны на редкость правильно.

– Где они сейчас? – поинтересовался Виталий Павлович Шубин у своего немногословного помощника.

– Совсем рядом, – ответил тот и ткнул карандашом в один из квадратов карты местности.

Все четверо сидели в рабочем кабинете гостевого дома. Степан Митрофанович во главе стола, с правого края – тот, кто хорошо помнил Ванинский порт.

– И на них уже вышли? – продолжил вопросы Виталий Павлович.

– Наш человек только что передал, что грузовик заметили, солдат решили взять в плен, с машиной – по обстановке. К шоссе выдвинулся отряд в количестве восьми человек.

– Переговорное устройство у «нашего человека» надо будет забрать сразу же по окончании акции. – Виталий Павлович кивнул на причудливую зажигалку в виде восточного кинжала, которую держал в руках его помощник.

– Будет сделано, – кивнул тот. – Парфенова предупредить сейчас или по окончании боестолкновения?

– Разумеется, по окончании, – проговорил Шубин. – Возможно, капитан Крылов героически погибнет в боевой операции. Хотя надежда на это слабая, Крылов – опытный командос... Ему бы полтора года назад майорскую звезду и в академию, сейчас не было бы этих дурацких хлопот. Главное – разведроту, а следом за ней и разведбатальон ВДВ после такого конфуза расформируют... Когда все закончится, переговорник у Парфенова тоже заberi. А то этот идиот наберется ума похвастаться им перед девками.

– Обижаете, Виталий Павлович, – развел руками помощник. – Все, ухожу, пожелайте «ни пуха»...

Помощник покинул помещение, и некоторое время все трое сидели в тишине.

– Прошу прощения, Виталий Павлович, – первым подал голос тот, кто помнил Ванинский порт. – Я человек новый, несколько из других социальных слоев. Объясните, пожалуй-

ста, – вот ведь этот Крылов. Он же вроде бы ваш человек, в том смысле, что офицер, член коммунистической партии. И вы вдруг с такой легкостью даете приказ об его уничтожении?!

– Много вопросов задаешь, Петр Васильевич, – отозвался Шубин. – Я, грешным делом, тебя за толкового считал. Уж в тех социальных слоях, откуда ты родом, такие вещи, по-моему, хорошо растолковывают.

– В «тех» растолковывают, – кивнул Петр Васильевич. – Но мы-то сейчас вот здесь. – Он окинул взглядом недешевую обстановку кабинета. – Я просто должен знать ВАШИ правила, чтобы придерживаться их.

– Степан Митрофанович! – Шубин кивнул в сторону пожилого. – Ты ж у нас от идеологического фронта, так растолкуй непонятливым!

– Капитан Крылов – солдат, – проговорил, не особо задумываясь над объяснением, Степан Митрофанович. – Солдатам свойственно погибать. Таков исторический закон. Если Крылов останется в живых, он продолжит писать свои рапорты, что нам с вами, Петр, совершенно не нужно. Ко всему прочему, он может попасть в плен. Там ему развяжут язык, а в душманских лагерях периодически отираются всякие иностранные репортеры, охочие до сенсаций. Дело может запахнуть международным скандалом. В данный же момент Крылова ждет героическая смерть, светлая память и мемориал в школе, которую он окончил. То же самое ждет сотни и тысячи других солдат... Есть еще вопросы, Петр?

– Скажите... – проговорил Петр, сделав вынужденную паузу, точно собираясь с духом. – А меня и... моих людей вы тоже считаете солдатами?

– Вас, Петр, мы считаем деловым партнером, – ответил Степан Митрофанович. – По-моему, вы должны быть удовлетворены.

– Так точно, – произнес Петр, кивнув Шубину, – так ведь, кажется, принято отвечать у вас?

Ответить Виталий Павлович не успел. Лежавшая рядом с пепельницей кинжал-зажигалка издала негромкий мелодичный звук. Это означало, что с генералом Шубиным выходят на связь.

– Пойдем, шурави, – повторил бородач.

– Куда? – стараясь изобразить замешательство, проговорил Сафронов, отметив, что Великохатко сумел отойти за кабину.

Бородач молча кивнул на свой допотопный автомат. Сафронов сделал вялое движение в сторону и вдруг стремительно выбросил вверх правую ногу. Точно ударом бича он выбил из рук моджахеда оружие, так, что тот не успел выстрелить. Одновременно сухо щелкнули два выстрела, уложившие двоих «духов», ударила и автоматная очередь...

Вторым ударом Сафронов был намерен сбить бородача наземь, но тот тоже кое-чего стоил в рукопашной. Сумел заблокировать удар лейтенанта и нанести ответный. Столь быстрой атаки от уже немолодого «духа» Сафронов не ждал, потому отлетел к кузову, сильно ударившись о него затылком. Бородач выхватил откуда-то из-за пояса кинжал и бросился на Сафронова. Лейтенанту не оставалось ничего другого, как выстрелить в бородача из своего «стечкина». «Этого живым надо было!» – с досадой на самого себя подумал Сафронов, откатываясь за колесо «Урала» и ловя на мушку очередной бородачатый силуэт. Между тем на дороге, точно спустившиеся с небес, появились бойцы во главе с Максимовым. Федор снес ударом в челюсть одного замешкавшегося от столь стремительной атаки «духовского» автоматчика. Двое бойцов тут же подхватили тело, не давая ему упасть. Сафронов перевел взгляд на бородача, подстреленного им, так как услышал с его стороны стон, переходящий в злое бормотанье. Старший «дух» был жив. Он не мог подняться сам, но сумел вскинуть руку с кинжалом. Еще мгновение, и точный бросок неминуемо сразит кого-нибудь из группы захвата. Сафронов вскинул своего «стечкина», выстрелил, почти не целясь. Бородач выронил нож, захрипел, точно ране-

ный хищник. Сафронов бросился на него, шестым чувством угадывая, что именно этот может оказаться ценным «языком». Без особого труда тренированный Сафронов сумел перевернуть моджахеда лицом вниз и скрутить ему сзади руки собственным поясным ремнем. Между тем выстрелы окончательно умолкли.

Как и предполагал капитан Крылов, «засадное мероприятие» заняло не более минуты. Пятеро душманов (в том числе прикрывающие, замаскировавшиеся со стороны ручья) были убиты. Трое взяты в плен. Двоих «чистенькими» повязали Федор и его бойцы, третьего, со сквозным ранением в грудь, взял-таки Сафронов. Теперь в дело вступил нетерпеливо ждавший своего часа младший лейтенант Корольков.

– Сколько обещано за мою голову? – задал вопрос Виктор сразу всем трем пленникам, а Дима тут же перевел.

Оба молодых «духа» задержали плечами и потными физиономиями, однако не вымолвили при этом ни слова. И тут старший, наспех перевязанный фельдшером, что-то хрипло пробормотал.

– Они не умеют считать, – перевел Корольков.

– А ты умеешь? – всем своим мощным корпусом повернулся к раненому Крылов.

Младший лейтенант перевел, и Крылов тут же получил утвердительный ответ. Далее раненый заговорил хрипло и медленно, с паузами, прикрыв глаза, точно не хотел видеть ненавистных, пленивших его шурави. В противовес ему Корольков переводил быстро, почти синхронно. Не зря Крылов захватил с собой очкарика.

– Я ненавижу вас, русские... Он дальше ругается... Одни ругательства, переводить? – немного смутившись, поинтересовался Дима.

– Переводи все, – кивнул Крылов.

– Неверные шакалы, дети свиней, прах ваш втопчут... м-да, это непереводимо... Что-то про задний проход... Стоп! Он говорит, что вы... Ну, то есть мы, все равно уничтожим друг друга, и он нам в этом поможет.

– Помоги, уважаемый. – В голосе капитана и в самом деле появилась уважительная интонация.

– Ничего святого, – Дима продолжил монотонно переводить хриплую речь раненого. – Для вас нет ничего святого. Утром вы клянетесь, что покончите с... Незнакомое слово, видимо, наркотики... Да, точно! А ночью сами переправляете опий и гашиш в свой, извините, е...ный СССР.

Глава 6

Старший лейтенант Парфенов отметил, что сегодняшней вечер непривычно холоден. Впрочем, здесь, в Афганистане, даже в знойную дневную жару вечера и ночи всегда были прохладными. Он просто еще не привык к этому. Вадим поднимался по лестнице женского общежития весьма довольный собой. Кажется, он обеспечит себе надежное алиби, и самым большим наказанием для него будет устный матерный выговор от комполка. Но при этом он окончательно приобретет могущественного покровителя в лице генерала Шубина. Гэбэшник чин обязательно отметит ум и находчивость Вадима Парфенова и... Впрочем, пока что рано загадывать, сейчас Вадим должен был убить двух зайцев – обеспечить себе алиби и завязать контакты с девушкой Ирочкой. С сегодняшнего вечера Сафронов больше не соперник.

– Добрый вечер, Ирочка, – проговорил Парфенов, зайдя в комнату после предварительного стука. – Кино сегодня нам не покажут, но я готов заменить вам его. Какое кино предпочитаете? По-моему – про любовь и сильные чувства. Угадал?!

Ирочка с ответом не торопилась. В данную минуту она была в комнате одна и занималась ее уборкой. Визит Парфенова не слишком ее обрадовал, но она вежливо кивнула головой на его приветствие.

– Извините, товарищ старший лейтенант, но сегодня я занята, – ответила Ирочка, продолжая уборку и даже не повернув голову в сторону Парфенова.

– А мне кажется, что сегодняшние дела можно отложить, – заметил Вадим.

– Вадим... Извините, не знаю вашего отчества, – проговорила девушка, повернувшись наконец к Парфенову. – По правилам дуэли, вами же установленными, вы – проигравший. А проигравший должен удалиться.

– Есть смысл поменять правила, – произнес Парфенов, стараясь выглядеть спокойным и уверенным в себе.

Он считал себя большим знатоком противоположного пола и был уверен, что любая «крепость» падет после мощной осады.

– А я вот не вижу смысла, – ответила девушка и продолжила уборку.

Парфенов решил продолжить осаду, но уже более радикальными методами. Он вплотную подошел к Ирочке и положил руки на мягкие девичьи плечи.

– Не трогайте меня, – произнесла девушка и, сбросив руки старшего лейтенанта, чуть ли не отпрыгнула к окошку.

Казалось, она готова была выпрыгнуть со второго этажа.

– Ну-ну-ну, – проговорил Парфенов тоном, каким не слишком умные взрослые общаются с маленькими детьми. – И с чего бы это?

Ответить Ирочка не успела. За спиной Парфенова хлопнула дверь, и послышался властный, но при этом вежливый голос Надежды Иннокентьевны:

– Что, вчерашнего мало? Сегодня еще приключений захотелось?

Обернувшись, Вадим вновь увидел Иннокентьевну, одетую в обтягивающие джинсы и темную футболку. Вновь отметил ее сильное, но при этом по-женски изящное тело, обтянутое тканью спортивной одежды, и некрасивое рябоватое лицо.

– Невежливо себя ведете, девчонки, – только и произнес Вадим, кидая при этом неприязненные взгляды то на Ирочку, то на Иннокентьевну.

– Двигай отсюда, Парфенов, – уже совсем поправ нормы вежливости, проговорила в ответ Иннокентьевна.

– Глупо и неосмотрительно, – ответил Вадим, делая шаг к дверям. – Могу только сказать...

– Кому-нибудь другому, – резко оборвала его Иннокентьевна. – Всего хорошего!

С этими словами она демонстративно, несколько по-театральному распахнула дверь. Парфенов отметил, что Ирочка обменялась со старшей подругой благодарным взглядом.

– Всего, – кивнул было Парфенов и занес ногу за порог. – Напрасно, девчата, все это, – остановившись в дверях, проговорил он. – Ваш гвардеец Сафронов высоко взлетел, но скоро очень низко сядет. Сами увидите! Всего хорошего!

Уже подходя к лестнице, Парфенов сообразил, что сболтнул лишнее. Дурацкая привычка оставлять за собой последнее слово. Ну ничего – девки глупые, вряд ли сообразят...

– Постой, Парфенов!

Вадим уже ступил на лестницу, как его окликнул вежливый властный голос.

– Ну-ка, подойди сюда! – негромко приказала Иннокентьевна так, точно имела на пару звезд больше, чем парфеновский папа.

– Что еще? – небрежно поинтересовался Вадим, приблизившись к женщине.

Иннокентьевна огляделась вокруг. Убедившись, что никого нет, волевым движением чуть ли не затолкала Парфенова в угол коридора, под лучи крайней лампы.

– Почему это Сафронов низко сядет? – не повышая голоса, спросила женщина. – И что мы должны будем увидеть?

Оба этих вопроса заставили Вадима покрыться испариной. Неужели эта мымра о чем-то догадалась?! Нет, такого не может быть.

– Что это с тобой, Парфенов? – поинтересовалась Иннокентьевна, так и не получив ответ на первый вопрос.

Вадим не знал, что и произнести. Ведь если узнает Шубин...

Все...

ВСЁ!!!

Гостайна, особо секретная операция, высшие чины партии и КГБ... Получается, что Иннокентьевну тоже придется... А если она сейчас расскажет Ирочке, то и Ирочку?! Но в первую очередь его, Вадима Парфенова! Шубин безжалостный, не признающий никаких смягчающих обстоятельств генерал. Крылова с Сафроновым не пощадил, даром что те офицеры-гвардейцы... Надо срочно взять себя в руки, и тогда никто ничего не узнает, не догадается и не домыслит.

– Я хотел сказать, что Сафронов еще зеленый, неопытный, – подбирая дурацкие казенные формулировки, забормотал Вадим. – Ну а служба, она покажет, кто чего стоит. Служба – это, знаете ли, не мышцами играть.

– Понятно, – проговорила Иннокентьевна, продолжая загоразивать своей крупной спортивной фигурой путь к лестнице.

– Я к нему зла не имею, – уже откровенно покривил душой Парфенов.

Иннокентьевна это почувствовала. Вадим сморщился, не зная, что еще и вымолвить.

– Жизнь рассудит, жизнь мудрее нас, – подвел итог Парфенов, процитировав фразу, которую слышал в какой-то телевизионной постановке.

– Мудрее, – впервые согласилась с ним Иннокентьевна.

Казалось, разговор окончен. Однако женщина не получила ответа ни на один из вопросов, поэтому не торопилась отпускать Вадима. Ее маленькие глазки пытливо изучали Парфенова, старшему лейтенанту казалось, что Иннокентьевна видит его насквозь.

– Ты ведь женатый человек, Парфенов, – неожиданно произнесла женщина. – Чего сюда зачастил?

У Вадима немедленно отлегло от сердца. Вот, оказывается, в чем дело! Рябая мымра страдает и злится из-за своей непривлекательности, поэтому теперь выливает на Парфенова всю накопившуюся обиду. Ни о чем она не догадалась и не могла догадаться.

– В самом деле, – тут же согласился с Иннокентьевной Вадим. – Только жена далеко, а... Хочется тепла, знаете ли...

– Камин в военторге купи, – произнесла в ответ женщина и сделала полшага в сторону, открыв таким образом путь к спасительной лестнице.

«Все в порядке, все путем!» – успокаивал себя Парфенов, покинув столь неприветливые для него стены общежития. С Ирочкой сорвалось, но алиби он себе обеспечил, та же рябая мымра и подтвердит... Вадим никогда не курил, вел здоровый спортивный образ жизни. Тем не менее сейчас он достал из кармана причудливую, сувенирного вида зажигалку. С ее помощью ему предстояло сейчас кое с кем связаться.

– Он говорит, что его командир пошел на сделку с шурави. Сразу с несколькими. Несколько большими шурави, – точно робот, механическим голосом проговаривал переводчик Дима. – Скорее, шурави пошли на сделку с их командиром, – поправил самого себя Корольков. – Они купили у командира большую партию наркотиков. И обещали купить еще, а также не трогать отряд, если он возьмет под контроль плантации опия на... Видимо, на юге, он пальцем показывает, – пожал плечами Дима.

В самом деле, бородач тыкал плохо слушающейся рукой куда-то в южную сторону.

– Но большие шурави сказали, что надо убить командора Крылова. И показали фотографию. Твою фотографию, командор, – Корольков поднял глаза на Виктора.

– Ты знаешь больших шурави? – задал вопрос Крылов.

– Он не видел их лиц, они прятали их под черной тканью... Но это точно были русские, – перевел хриплый ответ Дима.

– Командир так доверяет тебе? – спросил, чуть наклонившись над бородачом, капитан.

– Да, только ему... – кивнул Дима.

– Очень интересно, лейтенант Сафронов? – неожиданно переглянулся с взводным Крылов.

– С этим в особый отдел надо. Не самим же... – пожал плечами окончательно отошедший от горячки ближнего боя Сафронов.

– А может, это деза? – зло прищурился капитан. – То бишь клевета на советских граждан. Пропагандистское мероприятие, как выражается наш Гоголев... Да и имен этих «больших шурави» этот «язык» не знает.

– Не знает, – утвердительно кивнул Дима.

– Значит, так, гвардейцы, – произнес Крылов. – Насчет всего этого пишем подробный рапорт. Каждый подписывается. – Капитан оглядел всех бойцов разведгруппы. – Ну а дальше особый отдел и главный штаб ВДВ будут решать. Возвращаемся на базу! Насчет пленных вопросов не задавать...

В самом деле, какие уж тут вопросы. Да и в плен бородастые не сами сдались. Старшего стоило бы доставить на базу, допросить еще раз... Но он не траспортабелен, сам двигаться не сможет... У войны суровые законы, ничего не попишешь. Четыре выстрела прозвучали одновременно, слившись в один. Теперь путь разведгруппы лежал обратно, на базу. Именно так между собой разведчики называли место постоянной дислокации. В кабине «Урала» Сафронов ни одним словом не перемолвился с водителем Великохатко. Лейтенант думал, что, скорее всего, произошла какая-то чудовищная ошибка. Их с Крыловым вызовут в штаб, все объяснят... Три «больших шурави». Генерал КГБ, представитель ЦК и некто с уголовными татуировками?! Нет, этого не может быть! Пропагандистская акция, никак не иначе... Неожиданно Сафронову вдруг подумалось, что в сегодняшней разведгруппе собрался полный интернационал: Великохатко с Украины, Алвзян из Армении, снайпер Володя – сибиряк, фельдшер – из Ижевска, рыжий удмурт, Бекамбаев – киргиз, радист из Карачаево-Черкесии, переводчик Дима – коренной москвич... Додумать «интернациональные мысли» Сафронов не успел. Ехавший впереди них «уазик», в котором находился капитан Крылов, внезапно вспыхнул ослепляющим бело-желтым огнем. Такая вспышка бывает от прямого попадания разрывного сна-

ряда. Несмотря на вспышку, Иван Великохатко сумел вырулить на обочину. Задавать вопросы было некогда. И лейтенант, и рядовой-водитель схватили автоматы, покинули ставшую хорошей мишенью кабину и, укрывшись за скатами грузовика, приготовились принять бой.

Однако нападавших было не видать. Не слышалось ни взрывов, ни выстрелов.

Глава 7

– Пирофакелы давай! – послышалась злая команда голосом прапорщика Максимова.

Тут же вечернее небо пронзили несколько ярких вспышек – в воздух были пущены сигналки, подчиненные Федору бойцы не замедлили выполнить приказ – зажгли пирофакелы. «Вот дьявол! – мысленно выругался Сафронов, лишь сейчас поняв, что произошло. – Прапорщик-то раньше допер, квази-уно! Да по нам свои херачат! СВОИ!!! Танковый взвод, что на дорожной заставе стоит...» В самом деле – такая заставка находилась впереди, метрах в восьмистах или чуть меньше. Понятия у «заставников» суровые: заранее не предупредил, на запрос не ответил, имеют право открывать огонь. Неужели капитан Крылов не связался по радиации со старшим заставы?! Такого быть не могло – ведь радист находился вместе с Виктором в головной машине. Или на заставе перепились?! Бывало и такое... Однако долбануть прямой наводкой по «Уралу», пусть даже без опознавательных знаков, это было в сознании лейтенанта Сафронова чем-то запредельным...

Небо продолжали пронзать вспышки сигналок, слышался мат. Где-то впереди раздался шум двигателя – со стороны заставы выдвинулась «броня». От головного, командирского «Урала» остался лишь догорающий остов. Спасать было некого.

– Что же это, товарищ лейтенант? – спросил рядовой Великохатко.

Сафронов молчал. Что в таких случаях отвечать подчиненным, он не ведал, в Рязанском десантном этому не обучали...

В грузовике, вместе с Крыловым, погибли водитель и радист.

– Как получилось, что разведгруппа возвращалась, не проинформировав старшего заставы? Может быть, была неисправна рация?

– Рация была исправна, – ответил, стараясь ничем не выдавать охватившего волнения, лейтенант Сафронов.

– Тогда получается, что танкисты умышленно расстреляли головную машину? – зло прищурился майор из особого отдела.

– Рация, скорее всего, была неисправна, – повернулся к особисту комполка Зудин, вислоусый, немолодой, болезненно худой дяденька. – Это подтвердил Корольков, переводчик.

«Это когда же?! – мысленно воскликнул Сафронов, но смолчал. – Да ведь Королькова вызвали чуть раньше... Побеседовали минуты полторы, велели ждать... А рация была исправна!» Только теперь она сгорела вместе с радистом, водителем и капитаном Крыловым, поэтому сделать экспертизу не представлялось возможным.

– Значит, так, лейтенант, – заговорил немногословный до сего момента военный прокурор с полковничьими погонами. – Получается следующая неприглядная картина. Капитан Крылов на свой страх и риск, руководствуясь какими-то авантюрными соображениями, отправился в разведывательный рейд.

– Не совсем так, – вяло поправил комполка. – Утром пришел ишак... Ну, да я объяснял. Капитан имел полномочия проверить окрестности на предмет наличия бандформирований.

– И отправился, не заручившись поддержкой армейской авиации, бронегруппы, – продолжил прокурор. – Авантюра в чистом виде... Да еще и с неисправной рацией, как сейчас выяснилось. По возвращении из рейда попали в зону ответственности танковой заставы. Там, как на грех, офицеров не было, только прапорщик и срочники. Будем честны, прапорщик немного хватил. – Прокурор неприязненно щелкнул самого себя по шее. – Однако не настолько, чтобы потерять чувство реальности... Перестаньте улыбаться, лейтенант!

Улыбка у Сафронова получилась непредумышленной, нервной и злой. Ни слова не говоря, он сжал зубы, как мог придал своей небритой физиономии каменное, непроницаемое выражение.

– Солдат-первогодок разглядел в перископ вашу колонну. Издалека, заметьте! Глазастый оказался! И сориентировался по обстановке. Его, оказывается, деды еще в учебке пугали – стреляй во все, что движется, вернешься живым. Каждый метр у танкистов давно пристрелян, потому и не промахнулись. Слава богу, дальше палить не стали. Ну а потом ваши огни увидели... Вот какая картина сложилась, Сафронов. – Прокурор сделал паузу, в упор буравя лейтенанта испытывающе-тяжелым взглядом. – Следствие мы, само собой, проведем. Но в любом случае получается, что виноват ваш командир. Ты согласен со мной, Сафронов?

– Я не знаю, – честно ответил лейтенант. – Но повторю еще раз – рация была исправна, и капитан Крылов не мог не связаться с заставой.

– Но лично ты этого не слышал, – подал голос особист.

– Значит, не связывался, – подвел итог прокурор. – Совсем плохо. Капитан Крылов был мужиком геройским, это любой подтвердит. Сейчас же вроде как обвиняемый...

– А что говорят солдаты? – неожиданно спросил Сафронов.

– Что действовали по инструкции и в соответствии с уставом, – произнес в ответ прокурор. – Двое рядовых в медпункте никак не хотят верить в случившееся... Прапорщик под арестом. Его промах, как ни крути.

– Не так все, – без твердости в голосе вдруг проговорил Сафронов. – Не так, – повторил он, замотав головой.

– Вам бы тоже в медпункт надо, – мягко заметил прокурор, неожиданно перейдя на «вы». – Дерьмовая вещь война, лейтенант. Убитых не вернешь, а мне... Приятно, что ли, вашего капитана в таком виде выставить?! Все, лейтенант, отдохни... В скором времени опять встретимся.

– Кто командир взвода? – спросил, уже направляясь к дверям, Сафронов.

– Тебе зачем? Старший лейтенант Парфенов, – ответил тем не менее прокурор.

Как все гладко выходит. По возвращении из разведывательного рейда неожиданно выходит из строя рация, нет возможности предупредить заставу... В результате капитан Крылов мертв.

Три больших шурави!!! Сафронов ни на минуту не забывал о том, что поведал старший моджахед. Тем не менее говорить кому-либо об этом не торопился. В кабинете полковника Зудина сейчас беседовали с прапорщиком Максимовым, а Сафронову попался на глаза переминающийся с ноги на ногу младший лейтенант Корольков.

– Про допрос рассказывал? – спросил Сафронов переводчика.

– Нет, – помотал головой тот. – Как и условились.

В самом деле – о том, что сообщил «язык», Сафронов, Максимов и Корольков условились до поры до времени никому не сообщать. Остальные же солдаты были не в курсе, так как в момент допроса капитан Крылов приказал им разойтись по периметру, охранять дорогу и подходы к ней. Оставалось надеяться, что Дима сейчас говорил правду.

– Ты сказал, что рация была неисправна? – стараясь не повышать голоса, продолжил расспрашивать Сафронов.

– Нет, – нервно дернув шеей, ответил Дима. – То есть этот, из прокуратуры, меня спросил, рация была исправна? Ну а я... Я ведь не знал точно, потому сказал «не знаю»... А он – «значит, могла быть не исправна?» Ну а я...

– Ты говнюк, Дима, – перебив переводчика, произнес с закипающей злостью Сафронов. – Ты что же, мог подумать, что Крылов пойдет в рейд, не имея надежной связи?!

– Я как-то... Не думал, что ли...

– Погоны с тебя сорвать! – уже не сдерживая себе, рявкнул на очкарика Сафронов. – Какой ты, в жопу, офицер?!

– Не надо так, – только и произнес в ответ жалким голосом младший лейтенант.

– Благодаря тебе у этих господ хороших выстраивается весьма выгодная версия, – пояснил, взяв себя в руки, Сафронов. – Если нажмут – и про допрос ведь проболтаешься?!

– По-моему, надо сообщить, – кивнул Дима. – Чем скорее, тем... Даже не знаю.

Сейчас и сам Сафронов не знал, что сказать. Среди них троих он был старшим и по званию, и по должности. Тем не менее совет придется спрашивать у Максимова.

– Я буду писать рапорт, – уверенным тоном проговорил Федор, выслушав Сафронова и постоянно кивающего Королькова. – Там все четко будет. И про допрос, и про рацию. Скрывать такие вещи мы не имеем права. Вас призываю сделать то же самое.

Глава 8

Куда уходит детство?
В какие города?

Слышалась из радиоточки сентиментальная песня из какого-то детского фильма. На борту «транспортника» тем временем загружали «трехсотых». Без рук, без ног, с обожженными лицами. В сопровождении медицинских работников тяжелораненых везли в Союз. Комполка, вислоусый полковник Зудин, что-то говорил в напутствие, но Сафронов не слышал теплых командирских слов, так как стоял на большом расстоянии.

– Прощай, командир, – неожиданно произнес стоявший рядом Максимов.

И Сафронов заметил, что солдаты комендантской роты несут «груз двести» – наглухо закрытые цинковые гробы. Капитан Крылов, солдат-радист и водитель. Без последних залпов и речей. Все это было впереди. Каждого из погибших должны были торжественно, со всеми воинскими почестями предать земле на их родине.

– Старший щитонос¹³ сказал, что дело будет закрыто, – проговорил Федор. – Иначе, говорит, командир ваш не героем будет, а подследственным, считай, неумехой, погубившим себя и двух пацанов. Ни ордена ему, ни вечной светлой памяти... Так и сказал, законник хренов.

– Рация была исправна, – произнес в ответ Сафронов. – Так ведь, Федор?

Максимов не ответил. Несмотря на то, что за последние дни прапорщик и лейтенант заметно сдружились, разговаривать сейчас не хотелось. Три дня назад все трое, включая переводчика Королькова, подали командованию и руководству особого отдела рапорты, в которых подробно было изложено все, включая допрос. Ответа до сих пор не последовало.

Оно уйдет неслышно
Пока весь город спит.
И писем не напишет.
И вряд ли позвонит.

Грустная песенка продолжала звучать в радиодинамике. Ответ на поставленный популярной в Союзе певицей вопрос оказался сейчас перед глазами Сафронова. В «груз-200», в «груз-300» уходило детство...

– Слышал я, закончили вас терзать? – послышался голос складского прапорщика Михеича, подошедшего к Максиму и Сафронову.

– Все в порядке, Михеич, – отозвался Федор. – Щитоносы – они и есть щитоносы. Вместо нас в рейд не пойдут.

– Правильно, – кивнул Михеич. – Надо же кому-то воевать! А ведь в этой каше замешан Вадик Парфенов, лейтенант-генералыч. Тот, которого ты, лейтенант, на место поставил.

– Его даже не допросили, – зло откликнулся Сафронов. – Он вроде как в увольнении законном был, заставу проверил за час до нашего столкновения... Чистенький, гад.

– Ты его лишний раз не задевай. Эти сынки генеральские никого не пожалеют. У них одна фраза: одного солдата убьют – бабы русские еще сотню нарожают... У тебя, Сафронов, батя кто?

– Учитель физкультуры, – ответил лейтенант.

¹³ Щитонос (*арм. сленг*) – работник военной прокуратуры, юстиции. Назван так из-за наличия на петлицах эмблемы в виде щита и двух мечей.

– А мама девочек домоводству и кройке с шитьем обучает? – продолжил старший прапорщик.

– Нет, историю преподает.

– Извини, Сафронов, ты, судя по всему, не слышал, как таких, вроде тебя, называют, – проговорил, как-то едко при этом усмехнувшись, Михеич и тут же, не дав взводному ответить, продолжил: – Инвалидами таких называют. Перекрестись и сплюнь!

– Не понял, – отозвался не слишком набожный и суеверный Сафронов.

– Инвалид, потому как у тебя нет руки, – пояснил Михеич. – Большой и волосатой.

– Типун тебе на язык, Артур Михальч. – Лейтенант догадался наконец, к чему клонит завскладом. – Дурацкий юмор какой-то. Кому другому за такие шутки врезать стоило бы!

– Врезать не врезать, тебе бы за такое «ночное» этот прокуроришка устроил «индийское кино», а Парфенову пальчиком погрозят и через годик-другой примут-таки в академию. Военно-политическую, имени Ильича... Спасло тебя то, что не в головной машине оказался.

Сафронов промолчал. Чего говорить, прав Михеич.

– Я тебе по-хорошему, как батя сыну, совет даю, – подвел итог разговора Михеич. – Потому как вижу, что ты хороший парень. Парфенов и те, кто за ним, тебя выбрали как... Как хворост, как полено, – подобрал после паузы точное определение старший прапорщик. – В костер тебя швырнут, чтобы самим руки погреть. Им в генералы надо, в маршалы.

– Михеич, ты хочешь сказать, что Парфенов нарочно все это подстроил? – аж присвистнул Федор.

– Я с умными людьми привык разговаривать, – невесело отозвался Михеич, он же Артур Михайлович. – Ишакам, знаешь ли, лошадиные советы ни к чему... Фигурка у Надьки что надо! – неожиданно произнес Михеич, оценив идущую со стороны летного поля фельдшера эпидемиологической службы.

Надежда Иннокентьевна участвовала в оформлении каких-то документов, видимо, на предмет местных афганских инфекций, которые могли быть у тяжелораненых.

– Фигурка что надо, – с видом знатока и в этом вопросе повторил Михеич. – На физиономии, правда, черти пошабашили, но ведь не с лица воду пить, верно, Роберт Сергеевич?

– Кому как, – смущенно передернул худыми широкими плечами Сафронов, мысленно отметив, что в словах прапорщика немалая доля истины.

Проходя мимо, Иннокентьевна вежливо кивнула Сафронову и пошла дальше своей быстрой спортивной походкой.

По неписаной традиции на кровать убитого клали его берет, а перед ним – фотографию. Сейчас на заправленном одеяле стояла фотография капитана Крылова, лежал его десантный берет. Виктор смотрел прямо на Сафронова, чья кровать была напротив крыловской. Даже на фотоизображении капитан оставался твердым, самостоятельным командиром. «Вот так, Виктор, – только и произнес, мысленно обращаясь к фотопортрету, Сафронов. – Как мы теперь?! И как те большие шурави?! Наркокараваны?!» А Федор вспомнил, как после одного неудачного рейда он, тогда еще младший сержант, лежал на своей кровати, точно волк, обложенный флажками. Справа, слева и сверху над Максимовым такие вот береты с фотографиями оказались. Тогда Федор спал без задних ног и мыслей. «Духов», положивших ребят из разведроты, сумели догнать. Бородатые, в свою очередь, отход продумать сумели – ушли в «кяризы». Подземные колодцы такие, могли тянуться под землей на добрый десяток км. Преследовать, ловить их в «кяризах» было бессмысленно, но гвардейцы сообразили, как «духов» выкурить. Подогнали к «кяризу» бензовоз, слили топливо. Потом бросили в колодец пирофакел. Спустя мгновение из отверстия повалили клубы черного дыма. А еще через пару мгновений и сами «духи» наружу показались. Словно черти из преисподней выпрыгивать стали. Ну а наверху, само собой, им уже была подготовлена «дружественная» встреча на высшем уровне.

– Товарищ лейтенант, вас вызывают в штаб! – сообщил Сафронову появившийся после короткого стука солдат-вестовой.

В штабном помещении не было ни комполка, ни старших офицеров штаба, ни особистов с прокурорами. В просторной комнате, принадлежащей начальнику штаба, находился всего один человек. Одет он был в штатское, характерное для сотрудников дипкорпуса. Гладко выбритым, надменным лицом также походил на мидовского чиновника, плюс очки в дорогой оправе и мягкий, совсем не армейский голос. Это был один из тройки «важных птиц». Кажется, некто Шубин из «конторы глубокого бурения».¹⁴

– Садитесь, Роберт Сергеевич. – Собеседник назвал лейтенанта по имени и отчеству, подчеркнув таким образом, что беседа будет уважительной и неформальной, что называется «без званий».

Сам же, в свою очередь, представляться не торопился. Видимо, как и завскладом Михеич, был уверен, что беседует с умным, понимающим все с полуслова человеком. «Шубин, точно генерал Шубин из КГБ», – окончательно понял Сафронов.

– Прочитал ваши рапорты, – сразу перешел к делу «дипломат», он же Шубин. – Все это надо забыть, Сафронов. Совсем забыть, намертво.

– Не понимаю вас, – отозвался Сафронов, сохранив при этом видимое спокойствие.

– Ваш командир, капитан Крылов, допустил очень серьезную ошибку. В результате погиб сам и еще двое солдат. Только не повторяйте мне, что рация была исправна. Вы все время твердите это как попугай, а меня это не интересует.

В пространстве кабинета повисла многозначительная пауза. Шубин изучал, точно гипнотизировал, Сафронова колючими, пронзительными глазами, которые неприятно морозили даже из-за очков. Что-либо говорить генералу КГБ Сафронов не спешил.

– Знаешь, что меня интересует? – спросил наконец Шубин.

– Что? – переспросил Сафронов.

– Сколько человек слышали то, что рассказал вам пленный?

– Трое, – честно ответил лейтенант. – Точнее, четверо, но капитан Крылов мертв.

– Крылов вас подставил, – убежденно кивнул Шубин. – Вы оказались на чужой территории. А точнее, вторглись в проведение секретной операции, цели и задачи которой для вас закрыты.

– Поэтому погиб Виктор? – спросил Сафронов.

– Гибель вашего командира – несчастный случай. Бестолковый солдат, пьяный прапорщик, неработающая рация... Ты забываешь о содержании рапорта, Сафронов! В свою очередь, обещаю тебе внеочередной отпуск, перевод на новое место службы в Подмоскowie, поближе к родительскому дому... По-моему, ты уже этой войной накушался, так или нет?

– А остальные? Максимов и Корольков?

– Забудешь ты, забудут и они, – уверенно произнес в ответ Шубин.

– Иначе с нами будет то же, что и с Крыловым? – набравшись духу, спросил Сафронов.

– Трагическая случайность произошла по вине вашего командира, – сухим, лишенным интонации голосом констатировал Шубин. – Это вывод следствия, и других мнений, Сафронов, быть не может... Еще один дурацкий вопрос, и я, Роберт Сергеевич, в тебе разочаруюсь. Вот, послушай. – Тон Шубина неожиданно изменился, в нем появились какие-то чуть ли не отеческие интонации. – Смотрю я на тебя – красавец, можно сказать – лицо нашей гвардии. На параде всегда в первой шеренге. Как говорится, и ростом, и лицом не обижен. Опять же, спортсмен, Рязанское училище без нареканий окончил. Тебе служить и служить, семьей обжа-

¹⁴ Контора глубокого бурения – одна из расшифровок аббревиатуры КГБ.

водиться... Но тебя, красавец мой, никто не уполномочивал контролировать ход секретной операции КГБ и военной разведки!

Сейчас в голосе Шубина слышались не только раздражение, но и явная угроза.

– Ты понимаешь меня, Сафронов? – вновь с отеческой интонацией осведомился Шубин.

– Да, – с трудом заставил себя выговорить лейтенант.

– На всякий случай, напомню тебе, что, в случае чего, ты и оба твоих сослуживца могут быть привлечены за разглашение гостайны. Это либо пятнадцать лет, либо расстрел.

«Большие шурави, закупающие наркотики и держащие под контролем опийные плантации, – гостайна?!» – мысленно воскликнул Сафронов.

– Я понял вас. Могу быть свободен? – только и вымолвил ошарашенный лейтенант.

– Можешь, конечно... В какую часть тебя лучше перевести? – тут же поинтересовался Шубин. – Для тебя найдется место в Севастопольской бригаде,¹⁵ можно поговорить и насчет кремлевского полка.

– Спасибо, я подумаю, – сдержанно отозвался Сафронов.

¹⁵ Севастопольская бригада – столичное, полусекретное в те времена воинское формирование, отвечающее за секретные и правительственные объекты, курируемое КГБ.

Глава 9

– Цели и задачи для нас закрыты, – повторил за Сафроновым Федор, как только лейтенант поведал ему о секретной операции, в которую невольно вторглась разведрота. – Сильно в это веришь, Роберт Сергеевич?

– Сам Роберт Сергеевич, – отмахнулся лейтенант. – Как не верить, когда перед тобой генерал?!

– Доверяй, но проверяй. Этот Шубин – не истина в последней инстанции. И мы его проверим. Интересный у него друг-приятель. Тот, что с татуировками... Вот слушай, я здесь успел переговорить с одним очень толковым мужиком из «Кобальта».

– Спецназ МВД? – переспросил Сафронов. – Они здесь каким боком?

– Борьба с наркотиками – их первейшая задача. Одним словом, в «Кобальте» доверия Шубину и особенно его приятелю нет. Но этому капитану нужна наша помощь. Рискнем?

– Я сказал этому Шубину, что... В общем, согласился забыть.

– И правильно! – кивнул Федор. – Проверим кое-что, а потом забудем. Или...

Максимов взял выразительную паузу, испытывающе глядя при этом на старшего по званию.

– Или нас, как Крылова? – зло усмехнулся Сафронов.

– Это бабушка надвое сказала! – присвистнул в своей привычной манере Максимов. – Надо будет – до Кремля дойдем.

Уверенность лихого прапорщика передалась Сафронову. Федор производил впечатление толкового парня. Пониже Сафронова, но пошире в груди, с увесистыми кулаками, находчивый, иногда злой на язык, Максимов тем не менее умел располагать к себе. Правильное лицо с большими светлыми глазами, слегка перебитый нос и шрам над левой бровью – эдакое сочетание нордических черт и суровой мужественности со следами многолетних занятий боксом.

– Переводягу привлекать не будем, – категорично произнес Максимов. – Он за последние дни совсем скис.

– Переводчик может пригодиться, – покачал головой Сафронов. – Беру его на себя. Главное, чтобы сам к Шубину не побежал.

– Вот именно!

Немного поспорив, и Максимов, и лейтенант решили информировать и привлекать Королькова лишь в самом крайнем случае, пока же никому ни слова.

– Кличка у него Лорд. Петя-Лорд. Точнее, не кличка, а погоняло, так теперь это у них называется. Фамилия – Маркин. Не сказать, что в авторитетах, но влияние имеет. Погоняло, кстати говоря, он сам себе выдумал. Был такой авторитетный вор, вот его по чину воровскому Лордом звали. Но он помер год назад от туберкулеза, а этот Маркин решил в Лорды сыграть... Уж никак не ожидал его здесь встретить.

Капитан Бондарев достал из упаковки леденец, быстро отправил в рот, затем предложил Федору с Сафроновым. Те, в свою очередь, взяли по пунцовой подушечке. Леденцы в гарнизонном ларьке были что надо, в столичных магазинах таких не встретишь. Ко всему прочему, капитан милиции Бондарев таким образом бросал курить.

– Думал – обознался, – продолжил свое повествование Бондарев. – Ан нет – по татуировкам его и опознал.

– Дела, – только и произнес Сафронов, переглянувшись с Федором. – Сколько у него судимостей?

– Две. Грабежи, телесные повреждения, разбой плюс незаконный оборот драгметаллов, – ответил Бондарев. – Гад он. Таких сами уголовники не жалуют. Подозревался в убийстве, причем двойном, но следствие доказать не смогло.

– Наркотики? – коротко осведомился Федор.

– В том-то и дело, – кивнул милицейский капитан. – Полтора года назад я входил в группу захвата, которая задержала этого Лорда в одной из столичных гостиниц. С партией наркоты... Героин, полученный переработкой из опия. В дорогом костюме был мерзавец, с перстнем.

– Сопротивление оказал? – поинтересовался Сафронов.

– Пытался, – пожал широченными плечами Бондарев. – Так вот, четыре месяца провел на Бутырке, потом исчез...

– Каким образом? – недоуменно вскинул брови Сафронов.

О работе милиции он знал по фильмам типа «Следствие ведут знатоки» и «Версия полковника Зорина». Там преступники так вот запросто никуда не исчезали.

– Был отпущен под подписку о невыезде и исчез. А вскоре ребят из моей группы захвата потихоньку перевели на новые места службы. Кого в Подмоскowie, кого и подальше. Я вот здесь оказался... Если то, что вы рассказали, соответствует истине, дела херовые. Открытым текстом говорю вам, гвардейцы, – подвел итог беседы Бондарев.

– Слушай, Бондарев, а если мы втроем проведем операцию по изобличению этого Лорда? – спросил Федор.

– Смысл? – осведомился капитан.

Он был постарше возрастом, у него была интонация бывалого человека, крепко сбитая фигура тренированного бойца.

– Мы хотим знать, почему погибли наши боевые товарищи, – ответил Сафронов. – Почему наркотики беспрепятственно идут в СССР, а бандит и убийца ходит под ручку с генералом КГБ.

– А надо вам это знать? – спросил Бондарев.

– У нас есть план, – уверенным голосом ответил Сафронов. – Шубин ничего не узнает, а мы узнаем многое... Если дело действительно касается гостайны, то забываем обо всем, ничего не попишешь. Но если дело касается... Как это правильно назвать?

– Незаконный оборот наркотических средств, – пояснил Бондарев. – Намекаешь, что генерал Шубин и Уткин из ЦК – главари наркомафии?

Все трое невольно усмехнулись. Но как-то не по-доброму. Конечно, наркомафия, она в западных боевиках. Тем не менее и Сафронов, и Федор, и, уж тем более, оперативник Бондарев были осведомлены, что все чаще и чаще в молодежной среде нерушимого Советского Союза появляются наркоманы или те, кто бравирует знакомством с наркотиками, в том числе героинем фабричного производства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.